

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВА

ТЪМА
НАД
ПЕТРОГРАДОМ

Весна 1922 года.
Загадки Бориса
Ордынцев

Приключения поручика Ордынцева

Наталья Александрова
Тьма над Петроградом

«Автор»

2009

Александрова Н. Н.

Тьма над Петроградом / Н. Н. Александрова — «Автор»,
2009 — (Приключения поручика Ордынцева)

Париж... Город, где тысячи и тысячи русских эмигрантов наконец нашли пристанище... Но во Франции никому нет дела до их судьбы. Здесь графы и князья вынуждены служить шоферами и официантами, а их сестры и дочери – петь в ночных кабаках или искать богатых покровителей... Среди других несчастных, бежавших от ужасов «красной России», оказался и Борис Ордынцев. Жизнь его утратила смысл, да и деньги кончились, – и тут полковник Горецкий делает новое заманчивое предложение. Борису предстоит рискнуть – тайно проникнуть на бывшую Родину и вывезти оттуда юную родственницу Великого князя Сашеньку. Разумеется, в случае удачи ему хорошо заплатят... На сей раз он будет работать не один, а вместе с командой высококлассных профессионалов, многие из которых находятся в непростых отношениях с законом. Казалось бы, предусмотрено все. Но с самого приезда Ордынцева в Петроград события принимают совершенно неожиданный оборот...

© Александрова Н. Н., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Тьма над Петроградом

Наталья Александрова

Приключения поручика Ордынцева

*Памяти князя С.Е. Трубецкого,
поручика Сергея Мамонтова,
сестры милосердия Софьи Федорченко
и многих других
известных и безымянных участников
и свидетелей описываемых событий,
без чьих бесценных воспоминаний
эта книга не могла бы появиться*

Глава 1

*Не надо повторять – все врут календари.
Хотя еще тепло, темнеет только в восемь,
Над площадью Звезды, над садом Тюильри
Медлительно плывет сиреневая осень...*

Громыхая по торцовой мостовой, под окном протащи́лась крестьянская телега, запряженная парой медлительных сытых першеронов, – мужик откуда-нибудь из Оверни вез овощи на рынок. Париж просыпался. Наверху, в мансарде, известная всему кварталу Нинет скандалила со своим очередным возлюбленным. Мишель, хозяин булочной, позевывая, поднял штору на двери своей лавки, счистил с башмака какую-то гниль и послал вслед крестьянскому возу замысловатое ругательство.

– Луиза, принеси еще литр красного! – крикнул в темный дверной проем лощеный господин в черном галстуке и щегольском замшевом жилете, слишком лощеный господин для улицы Сен-Сабин, для раннего утра, для этой комнаты, освещенной тусклой керосиновой лампой. Слишком лощеный господин для того, чтобы его можно было принять за порядочного человека.

Хозяйка, вышедшая в тираж проститутка, приторговывающая краденым и не слишком разборчивая в знакомствах, внесла кувшин и неслышно удалилась.

– Пейте, Жорж, – проговорил лощеный господин, подливая своему собеседнику, худому сидящему мужчине в поношенном сюртуке, – пейте, у этой шлюхи довольно пристойное вино.

– Гадость, – отозвался Жорж, тем не менее припав к стакану, как умирающий от жажды. Его глаза были красны и печальны, как у старой собаки. Он и без того уже был изрядно пьян. – Гадость, – повторил он, – и вино ваше гадость, и Париж ваш гадость. И что это ты, галльская твоя морда, так меня обхаживаешь? Непременно ведь обманешь! Знаю я тебя, фармазона! Попался бы ты мне в Севастополе! К стенке – и весь разговор! А здесь – нет, здесь я с тобой как с человеком за одним столом сажу! Я, князь Тверской! И слишком много говорю, слишком много говорю...

Лощеный господин щелкнул пальцами, как будто подзывая официанта.

Тут же за спиной у Жоржа отворилась незаметная маленькая дверка, и оттуда выкатился совершенно уморительный человечек. Ростом он был едва с семилетнего ребенка, однако носил пышные усы и одет был совершенным щеголем – черный сюртучок, шелковый жилет, расшитый райскими птицами, лаковые штиблеты.

– Он твой, Гийом! – проговорил лощенный господин и поспешно отошел от стола.

Жорж полуобернулся, удивленно уставился на нарядного карлика и потянулся за пенсне, чтобы получше разглядеть его. Карлик, однако, повел себя более чем странно: он набычился, распушил усы, как кот, и, стремительно подскочив к князю, воткнул ему в грудь невесть откуда взявшееся в его руке длинное тонкое лезвие.

Князь удивленно ахнул, завохтал, как зарезанная курица, откинулся на спинку стула и застыл. Глаза его остекленели, и только бесконечное удивление еще светилось в них.

На пороге комнаты появилась Луиза.

Вытирая большие руки о передник, она покачала головой и проговорила:

– Право, Жан, вы нисколько не меняетесь! Все тот же шалопай, что в двенадцатом году! Неужели нельзя было сделать это где-нибудь в другом месте! Ведь я только недавно вымыла пол!

– Отнюдь, – лощенный господин вернулся на свое место, спокойно уселся за стол напротив мертвого князя и поднес к губам свой недопитый стакан, – у тебя, дорогая, это особенно удобно. Сейчас мы с Гийомом отнесем этого господина в подвал, и ни одна живая душа никогда не вспомнит о нем. Он рассказал мне все, что знал, и больше нам не нужен. А вино у тебя и правда отвратительное.

Сизо-розовый Париж жил своей собственной жизнью. Утром его затягивал легкий кисейный голубой туман, и в этом тумане ворковали послевоенные голуби, и переговаривались букинисты на набережной, и служанки спешили на рынок, стреляя глазами из-под кокетливых соломенных шляпок. Ночью сверкали ртутными ослепительными фонарями Большие бульвары, отражаясь в мокром асфальте, проносились, шурша шинами, длинные лаковые автомобили, выпархивали из них сногшибательные послевоенные женщины, одетые по последней моде – в черное и короткое. Моду диктовал еще великий Колло, но кое-кто уже говорил о восходящей звезде Шанель. Хозяева этих сногшибательных женщин, толстые банкиры в шелковых цилиндрах, разбогатевшие на военных поставках, рассуждали о бошах, которые не торопятся выплачивать репарации, отчего прекрасная Франция несет неисчислимые убытки. Перед сияющими дверями ресторанов пучили глаза высокие негры в красных ливреях, а из-за их спин гремели синкопы шимми и фокстрота.

На тротуарах, среди праздной и нарядной толпы, часто попадались угрюмые сутулые люди – ветераны Соммы и Вердена. Они с холодной ненавистью смотрели на жирных поставщиков и вынашивали планы мести.

И куда реже в этой толпе попадались люди с опустошенными, потерянными лицами, с прозрачными безнадежными глазами, люди, не имеющие даже права на месть. Несколько лет прошло уже с тех пор, как они отступали по непролазной кубанской грязи, обороняли Перекоп и Юшунь, давились на палубе переполненных пароходов, жарились на беспощадном солнце Константинопольского карантина, умирали от тоски и голода в бараках Галиполи. Сносились их тужурки и френчи со споротыми офицерскими погонами, пропали в парижских ломбардах наградные часы с благодарственной надписью от Врангеля или Май-Маевского. Растаяли последние мечты о возвращении на родину. Кто-то из них смог преодолеть нужду, отбросить офицерское высокомерие, нашел приличную службу и выжег из речи позорный и унижительный русский акцент. Кто-то устроился гувернером к детям более удачливых соотечественников. Кто-то таскает мешки с углем и сверкает из угольной пыли бандитскими белками глаз – ходившему в атаку на махновские пулеметы легко решиться на ограбление ссудной кассы. Генерал Шкуро, кровью и огнем метивший путь своей Дикой дивизии, развлекает буржуа в цирке, демонстрируя чудеса конной вольтижировки, хватает на скаку с малинового ковра косматую казачью папаху и сверкает дикими калмыцкими глазами. Полковник Суходольский, прихвативший во время посадки на пароход в Ялте полковую кассу, открыл кредитный банк,

ездит в длинном лаковом автомобиле и рассуждает с военными поставщиками о немецких репарациях.

Мосье Жано выглянул в зал и скорбно поджал губы. Опять мало народу! Дела идут скверно, что и говорить. Впрочем, ему еще грех жаловаться. Его ресторан под названием «Прекрасная булочница» находится на бойком месте. Ресторан небольшой, но кухня вполне приличная, мосье Жано совсем недавно прибавил повару жалованье. На поварах экономить не следует, хотя это и влетает в копеечку. Зато официантом пришлось взять мальчишку, которому и дела нет до работы. Вот и сейчас два посетителя ждут, пока их обслужат, а этот паршивец небось переглядывается с хорошенькой горничной из дома напротив. Девчонка, конечно, недурна – задорные глазки, высокая грудь, мосье Жано и сам поглядывает на нее с удовольствием. Но надо же ведь и совесть иметь.

– Гастон! – рявкнул хозяин в глубину кухни.

Мальчишка возник на пороге, не успев стереть с лица улыбку. Выглядел он обычно, как выглядят все официанты, – белая курточка, зализанные бриолином волосы. Гастон перекинул через руку салфетку и ринулся в зал.

В ресторане было малоллюдно. Прошло время обеда, когда деловые люди торопливо поедали фаршированных цыплят, запивая их недорогим вином. Сидела в углу зала пожилая пара: он – с большим животом, который с трудом обтягивал жилет, она – в старомодной шляпке, с седыми буклями. Мосье Жано видел наметанным глазом, что эти двое из провинции, приехали навестить детей или просто проветриться. Хотя у кого после этой проклятой войны есть лишние деньги, чтобы просто приехать – погулять по Парижу? Ужасное время, старики болеют, молодежь зла и невоспитанна.

Господин Жано тяжело вздохнул, наблюдая, как мальчишка-официант чуть не споткнулся, подскочив к вновь пришедшим клиентам. Двое мужчин, один – прилично за пятьдесят, но по виду еще крепкий, держится с достоинством, неторопливые движения человека, уверенного в себе и в собственном бумажнике. Одет хорошо, но неброско, добротный костюм, пенсне на носу, похож на профессора.

Таких клиентов мосье Жано очень даже уважает. Его спутник гораздо моложе, в районе тридцати, и выглядит не так благополучно. Нет, конечно, костюм его в свое время был сшит у очень хорошего портного, но зоркий глаз мосье Жано отметил, что брюки обтрепались снизу, да и весь костюм слегка поношен. Молодой человек тщательно выбрит, и белая сорочка чиста, но не накрахмалена, уж не стирает ли он сам свои сорочки? Впрочем, мосье Жано ничему уже не удивляется в наше ужасное время... Вот, кстати, и башмаки у молодого, хоть и тщательно начищены, давно просят починки...

Двое за столиком сделали заказ и по уходе официанта продолжали прерванный разговор.

– Рад вас видеть, Борис Андреич, в добром здравии, – говорил пожилой, похожий на профессора, – однако вид у вас обеспокоенный. Похудели что-то со дня нашей последней встречи, побледнели...

Борис втянул носом упоительные запахи, доносившиеся из ресторанной кухни, и сжал зубы. Есть хотелось до головокружения, потому что с утра, кроме чашки кофе, у него не было во рту ни крошки.

Напротив него сидел его давний знакомец Аркадий Петрович Горецкий и улыбался мягкой необязательной улыбкой. Глаза его из-под пенсне смотрели на Бориса благодушно, и выглядел он таким добрячком. Однако Борис Ордынцев прекрасно знал, что Аркадий Петрович Горецкий вовсе не такой добрый и мягкий, каким хочет казаться в данный момент.

Борис хорошо знал Аркадия Петровича. Они познакомились еще до революции, когда профессор Горецкий читал в Петербургском университете уголовное право, а Борис был сту-

дентом. Потом случилась одна революция, за ней вторая, началась Гражданская война, университет закрыли, всех знакомых разметало по миру, как осенние листья.

Отец Бориса профессор Ордынцев умер еще до мировой. Мать Борис похоронил страшной зимой восемнадцатого года, распродал остатки мебели, которые не сжег в печке, и подался на юг в поисках сестры Вари. Младшую его сестренку тетка увезла к себе в имение в Орловской губернии, потому что Варя была очень слаба после воспаления легких и не выжила бы в сыром и холодном Петербурге.

Борис болтался по стране почти год, пережил голод, сыпняк, бегал от бандитов и красных, чудом сумел перейти границу на Украине и очутился в Феодосии, где к тому времени базировались силы Добровольческой армии генерала Деникина. И там-то они и встретились с Аркадием Петровичем Горецким, который был теперь не профессором, а полковником, состоял при штабе Деникинской армии и выполнял особые поручения начальника штаба генерала Лукомского.

По подозрению в убийстве, которого он не совершал, Бориса забрали в контрразведку. Там-то и произошла встреча с Горецким. Далее на долю Бориса Ордынцева выпало столько опасных приключений, что хватило бы на десять человек. Борис сумел все преодолеть и даже оказался полезным Горецкому, за что тот и пригласил его работать на себя, мотивируя это тем, что, выполняя сложные секретные поручения, Борис принесет больше пользы Белому делу, чем если бы он сражался в окопе с винтовкой в руках.

Судьба хранила Бориса, его не зарубили махновцы в степях Украины, он нашел сестру Варю, которая спасла его от расстрела, их с верным другом Петром Алымовым не утопили красные в Новороссийской бухте. Но после отставки Деникина и панического бегства Белой армии из Новороссийска что-то сломалось в душе Бориса. Предательства генералов невозможно было простить, Борис разошелся в полковником Горецким и поступил в полк.

Они снова встретились только в Константинополе. Борису не изменило его всегдашнее везение, он не погиб в Крыму при штурме Перекопа, ему удалось сесть на пароход в Ялте. И вот уже великий город Константинополь встречает его своими куполами и минаретами.

Полковник Горецкий и тут не подвел. Он тщательно опекал Варю, которую Борис отправил в Константинополь. Он устроил в госпиталь Алымова и доставал ему лекарства. Он привлек Бориса к своей деятельности. Горецкий вышел в отставку и выполнял теперь дипломатические поручения для англичан. Англичане хорошо оплачивали такие услуги. Борис получил крупную сумму денег и отправил сестру с ее женихом Алымовым в Берлин. Там Петру должны были сделать хороший ножной протез. Они же с Горецким уехали в Париж – город, куда стекались русские эмигранты.

Борис устроился вольным слушателем в Сорбонну – Аркадий Петрович настоятельно рекомендовал ему закончить образование и получить диплом юриста. Деньги, привезенные из Константинополя, быстро таяли, Борис перебивался случайными заработками, да еще нужно было помогать сестре. Лечение у Петра оказалось сложным и долгим, деньги уходили, как в прорву...

Официант принес салат и булочки. Борис последним усилием воли сдержался и заставил себя медленно взять вилку и медленно разломить свежую воздушную булочку. Впрочем, глаза Горецкого слишком пронизательно блеснули из-под пенсне, и Борис знал, что Аркадий Петрович заметил и его поношенный костюм, и мятую сорочку... Борис рассердился.

Официант налил вина и отошел, пробормотав что-то.

– Русские! – сообщил он хозяину, пробегая мимо.

– А то я сам не вижу! – буркнул мосье Жано.

Русские редко посещали его ресторан. Кто побогаче, ходили в русские рестораны – там подавали черный хлеб, икру и водку, а также расстегаи и бараний бок с гречневой кашей. Подавали там русские официанты в красных шелковых косоворотках и пели русские певицы

под балалайку. Обнищавшие же эмигранты толклись на Монмартре в кабаках самого низкого пошиба. Нет, русские редко посещали ресторан мосье Жано.

– Давненько мы с вами не встречались! – оживленно заговорил Горецкий, поднимая бокал и придиричиво разглядывая вино на свет. – Месяцев пять или больше...

И поскольку Борис ничего не ответил, он молча отпил из бокала.

– Перед отъездом я рекомендовал вас мэтру Ленуа, – снова начал Аркадий Петрович. – Вы работаете у него в конторе?

– Работал... некоторое время, – нехотя ответил Борис, – потом настали тяжелые времена, и мэтр уволил половину служащих.

– Куда же вы устроились?

– Так... немного пописываю в одну русскую газетку... платят мало и нерегулярно... еще у генеральши Зубовой... у генерала отнялись ноги, и я вожу его в кресле на прогулку... Да и то эта работа, кажется, скоро сойдет на нет...

– Что же случилось? – участливо осведомился Горецкий.

Борис допил вино из бокала и ответил, криво усмехаясь:

– Племянница генерала... она захотела брать у меня уроки музыки.

– Музыки? – От удивления Аркадий Петрович так сильно взмахнул руками, что у него слетело пенсне. – Музыки? Но ведь вы, насколько я помню по Константинополю, играете, конечно, на фортепиано, но не настолько хорошо, чтобы давать уроки. Или племяннице генерала все равно? – прищурился Горецкий. – Хоть фортепиано, хоть латынь, хоть греческий, хоть танцы?

– Вы угадали, – вздохнул Борис, – не смотрите так осуждающе, я сам себе противен. Здоровый, крепкий мужчина, пробавляюсь мелкими заработками, инвалида в кресле вожу...

– Вы обязательно должны закончить курс, – строго заговорил Горецкий, – иначе так и будете перебиваться...

– Да кто вам сказал, что, прослушав лекции в Сорбонне, я смогу найти себе работу? – Борис повысил голос: – В стране ужасное положение, хорошо живут только те, кто сумел нажиться на войне. Ветеранам-французам платят крошечную пенсию, простой народ озлоблен, а тут еще мы, русские, свалились им на голову со своими проблемами!

– Выпейте еще и успокойтесь, – примирительно заговорил Горецкий, – не все так плохо.

– Понимаете, выяснилось, что я совершенно ничего не умею делать в мирной жизни, – начал Борис более спокойно, – только воевать, выпутываться из опасностей, выживать...

– И соблазнять молоденьких девушек, – смеясь ввернул Горецкий. – Кстати, племянница генерала очень хорошенькая?

– Если бы вы ее видели, вы бы не спрашивали, – буркнул Борис, – и вообще, дело совершенно не в этом!

– Право, не нужно сердиться, Борис Андреич, думаю, что скоро для вас наступит хорошая полоса, – заговорил Горецкий, как только официант убрал пустые тарелки. – А я сейчас вас порадую. Только что я вернулся из Брюсселя, но до этого заезжал в Берлин.

– Вы видели Варвару? – встрепенулся Борис.

– Разумеется, и передал им с Петром подарок к свадьбе, – улыбнулся Аркадий Петрович. Венчание сестры состоялось в Берлине три месяца назад. Борис не смог приехать, совершенно не было времени, но зато он послал сестре все деньги, что у него были, с наказом обязательно купить белое платье и фату, и чтобы все было по правилам...

– Я привез вам письмо от сестры и вот. – Горецкий положил на стол фотографию.

Борис схватил ее и впился глазами. Свадебный снимок. Варя в белом платье, все как полагается, Петька держится молодцом, крепко стоит на ногах, никто и не поймет, что у него протез.

– Кроме этого, Варвара Андреевна просила меня еще передать на словах, что она умоляет вас не присылать им больше денег. Она чувствует, что вы тут бедствуете, вам нужно устраивать свою жизнь, а у них как раз все более-менее наладилось. Она работает в клинике профессора Герхарда, мужу тоже обещали работу.

«Муж? – Непривычное слово резануло слух. – Какой муж? Ах да, Петька теперь Варин муж...»

– Они – моя семья, – сказал Борис, не отрывая глаз от фотографии, – кроме них, у меня никого больше нет...

Принесли заказанную пулярку. Борис спрятал непрочитанное письмо в карман и посмотрел на Горецкого в упор:

– Что ж, выкладывайте ваше предложение. Ведь не просто так вы кормите меня обедом. Откровенно говоря, я сейчас в таком положении, что соглашусь на все, что угодно.

Однако деловой разговор Аркадий Петрович начал только за кофе.

– Не скрою, Борис Андреевич, что имею на вас некоторые виды. Не скрою также, что дело, которое вам поручат, очень опасное. Однако прежде чем спрашивать вашего согласия, я должен хотя бы немного ввести вас в курс этого дела.

Горецкий незаметно огляделся по сторонам. Хозяин стоял довольно далеко и не мог слышать ни слова из их разговора. Официант снова куда-то испарился. Пожилая пара расплатилась и ушла, в зале не было ни души, кроме них двоих. Борис подумал, что Горецкий зря волнуется. Он прекрасно знал привычки бывшего полковника – не посещать рестораны, куда ходят русские, по возможности не жить в гостиницах, а снимать частное жилье, причем тоже в стороне от тех мест, где проживают соотечественники. Полковник Горецкий не любил быть на виду, и теперь, когда вышел в отставку, его привычки не изменились.

– Бросьте, господин Горецкий, ваши секреты! – вполголоса весело сказал Борис. – Мы здесь одни, потому что тот надутый тип, хозяин этого заведения, ни слова не понимает по-русски. Что нужно делать? Куда ехать? В Европу? Готов хоть в Америку!

– В Россию, – тихо сказал Горецкий.

– Что? – Борис поперхнулся кофе. – Я не ослышался? Вы предлагаете мне ехать в Россию? Неужели вы теперь работаете на РОВС¹? Не вы ли в Константинополе твердо заверили меня, что ничего общего не будете иметь с этими спасителями России? Мы сражались с Советами в честном бою и проиграли, говорили вы, так что следует как можно скорее признать свое поражение и оставить надежду на возвращение в Россию. И не устраивать бандитских налетов на деревни и диверсий на заводах и фабриках, тем более что в Совдепии, насколько я знаю, больше восьмидесяти процентов промышленных предприятий не работает.

От непривычно сытного обеда и вина Борис слегка опьянел, поэтому и говорил так резко.

– Успокойтесь, Борис Андреевич, – строго сказал Горецкий, – не следует кричать.

– Я не узнаю вас, полковник! – сказал Борис тоном ниже.

– Я больше не полковник, – напомнил Горецкий, – и вы больше не поручик. Я беседую с вами сейчас как частное лицо. В данном случае я вообще выступаю только как посредник. Итак, вы позволите изложить вам суть?

Борис кивнул. Горецкий не спеша раскурил трубку и начал:

– Видите ли, голубчик, вы совершенно правы в своем удивлении. Должен вам сказать, что я от своих константинопольских слов не отступаю. И не имею никаких дел со всеми этими обществами по спасению России. Считаю, что все это одна говорильня, а что касается господ из общевойскового союза, то их борьба с ГПУ вряд ли закончится успехом. Теперь дальше. Уж простите великодушно, друг мой, но не всем так повезло, как вам. Я имею в виду, что двое

---

¹ РОВС – Русский Обще_Воинский Союз, основанный бароном Врангелем как преемник и продолжатель Белого движения.

близких вам людей находятся в Берлине в самом добром здравии. Вы сами только что сказали, что они – вся ваша семья. В России у вас никого не осталось.

– Точно, – подтвердил Борис, – двоюродный брат Юрий погиб в восемнадцатом, тетка тоже умерла.

– Вот-вот. Но представьте себе, что здесь, в Париже, проживает, к примеру, некий господин N. Он русский, эмигрант, бежал из России в девятнадцатом году и потерял там семью. Долгое время он не имеет от семьи никаких вестей, поскольку писать туда, сами понимаете, боится. Да и некому писать, он понятия не имеет, живы ли его жена и дочь и где они живут. И вот в один прекрасный день окольными путями, с оказией до него вдруг доходит весточка от семьи. Либо кто-то из знакомых, чудом вырвавшихся из Советской России, рассказывает ему, что жена его умерла от тифа, а дочка живет в городе Петрограде. Либо же, наоборот, дочка умерла от голода, а жена переехала в Москву или в Тверь. Согласитесь, существует мало надежды, что живы обе – и жена, и дочка.

– Да, пожалуй, – кивнул Борис, не понимая, к чему клонит Аркадий Петрович.

– Господин N – человек весьма состоятельный, – продолжал Горецкий, – в свое время ему удалось кое-что вывезти из России. Он готов потратить свои деньги для того, чтобы вернуть себе близких. Но как это сделать?

– Вот именно – как, – подхватил Борис.

– В Париже существует некая группа людей, которые могут взять на себя такое сложное дело. Их услуги стоят очень дорого, поэтому к ним обращаются нечасто.

– То есть вы хотите сказать, что за большие деньги эти люди находят в России нужного человека и переправляют его через границу? – недоверчиво переспросил Борис.

– Именно так. Только не за большие, а за очень большие деньги, – кивнул Горецкий. – Деятельность этой группы окружена тайной, сами понимаете, им ни к чему известность. Никакой политической идеи, чисто коммерческое предприятие. Никто не знает, сколько людей составляют группу, каково их прошлое, где они живут, есть ли у них семьи. Они ни к кому не обращаются за помощью – ну, если нужны документы, или канал связи, или «окно» на границе. ГПУ, знаете ли, не дремлет. Но пока Бог миловал, никого из группы не задержали. Возможно, это объясняется их обособленностью и, конечно, строгим соблюдением конспирации. Знаю, что агентов, засылаемых в Россию генералом Кутеповым, ГПУ ловит легко, как осенних мух.

– И что, у этой таинственной группы не бывает неудач? То есть они всегда выполняют то, за что берутся? – недоверчиво спросил Борис.

– Почти, – коротко ответил Горецкий, – в противном же случае они возвращают деньги, вычитают только расходы на дорогу. Но это бывает редко, в частности если особа, которую они берутся доставить, уже умерла либо же ее арестовало ГПУ. Но и в этом случае не все потеряно...

– Так-так. – Борис допил кофе и ложечкой доел сахар, оставшийся на дне чашки, несмотря на то что перехватил пренебрежительный взгляд хозяина ресторана. Поверх чашки он послал толстому французу такой ответный взгляд, что тот мигом отвел глаза и сложил губы в приветливую улыбку. – Так-так, – повторил Борис, – все это очень интересно, но возникает вопрос: при чем же здесь ваш покорный слуга? То есть я, разумеется, понимаю, что вы, Аркадий Петрович, ничего просто так не делаете, так вот какое же отношение я имею к вашим планам?

– Самое прямое, – со вздохом ответил Горецкий, – дело в том...

Тут открылась дверь, и в ресторан вошел посетитель – мужчина в сером сюртуке. Хотя он был в штатском, Борис без труда опознал в нем бывшего военного – прямая спина, твердая походка... Мужчина скользнул по ним равнодушным взглядом и сел за столик в углу. Явился востроухий мальчишка-официант, очевидно, хозяин добрался до него и устроил выволочку

на скорую руку. Он принял у нового посетителя заказ и убежал, на ходу приглаживая волосы и путаясь в длинном переднике. Посетитель углубился в чтение газеты.

– Так я вас слушаю, – напомнил Борис и махнул, чтобы принесли еще кофе.

– Вы нужны в этом деле, поскольку вас кое-кто очень хорошо знает... – сказал Горецкий вполголоса.

– Нельзя ли подробнее? – Борис откинулся на стуле. – Я пока что ничего не понимаю...

– Подробности могу сообщить, только заручившись вашим предварительным согласием, – твердо сказал Горецкий и снял пенсне.

Тотчас исчезла мягкость черт, и из рассеянного интеллигентного профессора Горецкий превратился в человека, способного повелевать. Борис нисколько не поразился такой метаморфозе, он прекрасно о ней знал.

– Вот таким вы мне больше нравитесь, – усмехнулся он, – говорите, Аркадий Петрович, не тяните...

Горецкий вдруг нагнулся к нему через стол и прошептал:

– Не надо имен! Тот человек понимает по-русски!

– Да бросьте вы! – Борис оглянулся через плечо. – Сами же говорили, что русские сюда не ходят. Уж соотечественника-то даже я сразу узнаю!

– Он прислушивается, поглядите, как напряжена его спина! – не уступал Горецкий.

– Спина как спина... – Борис подумал, что Аркадий Петрович перегибает палку. Уж слишком он подозрителен. Кого сейчас интересует его персона? Сам же сказал, что он бывший полковник, в данное время ничем важным не занят и в этом деле выступает только лишь как посредник.

Мосье Жано вынужден был сам принести кофе двум посетителям, потому что этот паршивец Гастон снова куда-то запропастился. Однако может, это и к лучшему, не получит чаевых!

– Пейте быстрее! – приказал Горецкий, и Борис не посмел возразить.

По выходе из ресторана они разошлись в разные стороны, условившись встретиться вечером.

Автомобиль остановился перед вполне импозантным домом на улице Риволи. Не успели Горецкий с Ордынцевым подняться по ступеням крыльца, как дверь распахнулась, и представительный старик, удивительно похожий на вареного рака огромными усами, выпученными преданными глазами и красным лицом, пророкотал волжским басом:

– Пожалуйте, ваше превосходительство, ждут-с!

Борис, как всегда, незаметный в тени «превосходительства», вслед за Горецким прошел по чудесной мраморной лестнице и оказался в длинном, скудно освещенном помещении приемной с бархатными диванчиками вдоль стены. На одном из диванчиков находились три старые дамы, немедленно зашептавшиеся, косясь на новоприбывших, на другом маялся сухощавый старый генерал с завязанным черным шелком глазом.

Борис уселся, твердо глядя перед собой и нарочито не вдаваясь в местные подробности. Не успел он, однако, вполне сосредоточиться, как распахнулась высокая дверь, и в приемную вылетел небольшой энергичный человечек в золотом пенсне и аккуратной бородке. Потирая руки, человечек подкатился к Горецкому и Борису и провозгласил озабоченно и надменно:

– Прошу! Их императорское высочество ждут!

Три старые дамы зашептались пуще прежнего, одноглазый генерал недовольно поджал бледные узкие губы и сделал вид, что происходящее нисколько его не касается.

Борис с Горецким послушно проследовали за бородатым человечком и оказались в кабинете, обставленном и увешанном избыточным количеством всевозможных вещей. Среди этого

пыльного изобилия сидел в глубоком и неудобном кресле с удивительно длинной спинкой очень сухой старик. Даже сидя, он был чрезвычайно высок.

Старик разглядывал сквозь монокль небольшую, сильно сношенную временем монету и что-то вполголоса бормотал. Заметив вошедших, он вскинул длинную холеную голову и высоким приветливым голосом воскликнул:

– А, вот и вы! Садитесь, полковник, садитесь! А с вами – тот самый молодой человек?

– Поручик Ордынцев, – отчеканил Борис, неожиданно почувствовавший себя уязвленным.

– Очень мило! – проговорил старик, указывая Борису на свободное кресло. – А меня вот племянница приютила, герцогиня д'Юез. Много ли старику надо! – Он окинул кабинет рассеянным птичьим взглядом. – И долго ли еще мне осталось ее стеснять!

Борису показалось фальшивым это стариковское самоуничижение и показалось также унижительно сидеть здесь, в этом пыльном и захламленном обломками бывшей роскоши кабинете, но он обещал Горецкому и вынужден был сидеть, и молчать, и слушать.

– Хорошо хоть, Павел Петрович предан, не бросает старика! – продолжал хозяин, кивая на своего бородатого наперсника. – И есть еще несколько старых друзей, которые навещают меня время от времени. Но все равно это не жизнь, не жизнь, а только тень ее, жалкая тень!

Старик запрокинул свою длинную голову и горестно, со всхлипом вздохнул. Затем он встряхнулся, как проснувшаяся собака, и проговорил с бодрой старческой энергией:

– Вот для чего я, собственно, пригласил вас, господа! – Он взял со стола фотографию в серебряной рамке и протянул гостям: – Сашенька, дочь сестры моей, Ольги.

Горецкий вежливо рассмотрел снимок и передал его Борису. С фотографии на Ордынцева смотрела тоненькая девочка в легком летнем белоснежном платье, с таким весенним, безмятежным лицом, что сердце Бориса невольно защемило. Он возвратил фотографию старику и усталился на него со вниманием.

– Я был уверен, – продолжил хозяин с горьким надломом в голосе, – что Сашеньки нет больше, как и всех остальных... всех остальных. Но недавно через верного человека пришло сообщение, что ее видели там, в России... – он сделал такой неопределенный и странный жест, как будто очертил этим жестом добрую половину мира, – и вот... я хотел бы вас попросить...

Но вместо того чтобы закончить свою просьбу, сановный старик внезапно зашелся сиплым лающим кашлем. Он прижал сухие руки к груди, откинулся на спинку кресла и тяжело, со свистом дышал между приступами кашля. Маленький Павел Петрович подкатился к нему, накапал в синюю хрустальную рюмку чего-то пахучего, резкого, поднес к бескровным губам. Лицо старика быстро порозовело, кашель прекратился, дыхание выровнялось.

– Я хотел бы вас попросить, – продолжил он как ни в чем не бывало, – хотел бы попросить об огромном одолжении. Сашенька – все, что у меня осталось. И если сведения о том, что она жива, верны, то... я ничего не пожалею для ее спасения. Сестра давно умерла, а Сашенька так на нее похожа...

Борис невольно подумал о том, что у такого глубокого старика никак не может быть такой юной племянницы.

Старик склонил голову набок, прикрыл глаза утомленно и надолго затих. Борис почувствовал жалость и сильнейшее раздражение. Для чего полковник Горецкий притащил его в этот старый, пыльный, траченный молю мир, с которым у Бориса не может быть ничего общего? Эти старухи в прихожей, обломки старого режима, как говорят большевики в далекой России, одноглазый генерал... Старые, жалкие, нищие, не ждущие от жизни ничего хорошего... И этот полутруп в кресле...

Борис ощутил, как Аркадий Петрович сильно стиснул его локоть. Неужели он забылся и проговорил последние слова вслух?

Горецкий сердито блеснул пенсне и чуть заметно качнул головой в сторону. Борис перевел глаза на Павла Петровича, который неслышно манил их руками за собой. В углу комнаты оказалась маленькая дверца, задрапированная пыльной малиновой портьерой. Павел Петрович проскользнул в нее привычно легко, Борису же с Аркадием Петровичем пришлось нагнуться. Затворяя за собой дверь, Борис бросил последний взгляд на его высочество. Старик спал, откинув голову и приоткрыв рот.

Комнатка, куда они попали, ничем не походила на кабинет с его увядающей пышностью. Возле крошечного круглого окна стоял простой письменный стол, девственно-чистый – на нем не лежали ни бумаги, ни книги, ни газеты, даже письменного прибора не было. Единственным украшением стола была бронзовая лампа на тяжелой подставке из розового мрамора. Вокруг ножки обвилась виноградная лоза, к бронзовым гроздьям тянулась бронзовая же девушка в греческой тунике с тяжелым узлом волос на затылке. Она делала это с такой грацией, что Борис невольно вспомнил юную гречанку, которую встретил давно, в девятнадцатом году, в Феодосии. Такие же миндалевидные глаза и такой же красивый изгиб тела...

Он тут же поморщился и даже замотал головой. Что за нелепые несвоевременные видения? Наверное, это от сытного обеда, которым накормил его Горецкий. Небось когда сидел впроголодь, о женщинах и думать забыл!

В комнате, кроме стола, помещались еще два венских стула, банкетка и узенькая девичья кровать, полуприкрытая далеко не новой театральной ширмой, на которой Коломбина в маске отчаянно кокетничала с Арлекином в костюме из пестрых лоскутков, а на заднем плане бледный Пьеро воздевал к небу тонкие руки в немой тоске и печально смотрел на блестящие звезды.

Павел Петрович кивнул Горецкому на стул, Борису досталась жесткая банкетка.

– Итак, господа... – Павел Петрович внимательно оглядел своих гостей, и Борис невольно отметил, что голос его и все повадки разительно изменились. Исчезла некоторая нарочитая суетливость движений, а также беспокойство во взгляде. Теперь глаза смотрели прямо на собеседника, и даже из-за пенсне было видно, что Павел Петрович – человек с определенными мыслями в голове, мысли эти он держит при себе и высказывает только в случае крайней необходимости. Вот как сейчас. – Его высочество... – снова Борис отметил, что титул своего покровителя Павел Петрович произнес хоть и с почтением, но без придыхания, – его высочество высказал вам свою просьбу. Я со своей стороны уполномочен ввести вас в курс дела.

«Давно пора! – раздраженно подумал Борис, ощутив, как урчит в животе. – Черт, ведь обедал же сегодня!»

Но желудок, да и весь его молодой организм дал понять, что обед был давно, днем, а сейчас уже вечер и вообще обедать нужно каждый день и ужинать тоже.

Борис невольно заерзал на банкетке, так что Аркадий Петрович неодобрительно на него покосился. Ему показалось даже, что Горецкий насмешливо поднял брови. Борис сдержал порыв тут же встать и уйти. Нужно взять себя в руки, ему ли, который за прошлые годы повидал всякого, стесняться какого-то Павла Петровича, жалкого приживалы при богатом патроне.

Он тут же одернул себя. Хотя он и видел Павла Петровича впервые в жизни, ясно было, что тот вовсе не приживала, что служит несчастному одинокому старику он вовсе не из-за денег и что его высочество без своего наперсника совершенно беспомощен, как малый ребенок.

Павел Петрович вытащил из верхнего ящика стола коленкорovou папку, открыл ее и показал своим собеседникам фотографию.

Молодая женщина, сидя в кресле, держала на коленях младенца. Женщина была красива – тонкие черты лица, пышные волосы, забранные в высокую прическу. Скромное платье с высоким воротником, никаких драгоценностей, только обручальное кольцо на пальце правой руки. Женщина смотрела прямо перед собой, на губах ее бродила рассеянная улыбка. Ребенок тараторил глаза в объектив, ожидая, надо полагать, когда вылетит птичка.

Под фотографией была дата – 1900 год, и стояло имя известного петербургского фотографа.

– Это сестра его высочества, Ольга Кирилловна, по мужу Сергеева, с дочерью Сашей. Она была моложе его высочества на двадцать лет – разные браки, знаете ли. Но несмотря на это, они были очень близки с его высочеством. В тысяча восемьсот девяносто седьмом году она вышла замуж за полковника Сергеева. Этот брак, несомненно, был мезальянсом, так что понадобилось высочайшее разрешение государя императора. Как вы сами понимаете, все родственники были против. Однако Ольга Кирилловна, несмотря на хрупкую внешность, обладала весьма твердым характером, она сама добилась приема у государя и сумела убедить его дать разрешение на брак.

«Для чего такое длинное вступление?» – подумал Борис, и Павел Петрович тотчас прервал свой экскурс в историю, словно прочитав его мысли.

– Я потому, господа, показал вам этот дагерротип, что Сашенька была очень похожа на свою мать, и сами понимаете, ее снимков во взрослом состоянии здесь быть никак не может. Сейчас ей двадцать четыре года, так что вполне возможно, что она выглядит так же.

Борис еще раз взглянул на фотографию и подумал, что вряд ли неизвестная Сашенька выглядит такой же счастливой и безмятежной, как ее матушка. В Советской России, надо думать, нет сейчас особенных причин для счастья.

– Уместно ли будет спросить, отчего Ольга Кирилловна с дочерью не сумели выехать из России? – поинтересовался Аркадий Петрович.

Снова он выглядел таким рассеянным профессором, не от мира сего, Борису на миг показалось, что Горецкий переигрывает. Но зачем? Опасается этих людей? Вряд ли. Положение Аркадия Петровича здесь, в Париже, весьма прочно и независимо. Это Борис болтается неприкаянно и готов взяться за любую работу, чтобы не умереть с голоду, а Горецкий всегда найдет людей, которым будут нужны его знания и опыт. Возможно, это будут англичане, возможно – французы. В Константинополе, к примеру, Горецкий по договоренности сотрудничал с турецкой полицией². Правда, он сказал, что сейчас временно не у дел, так Борис этому не поверил. Вид у Аркадия Петровича совсем не праздный. Но отчего же он так осторожен в разговоре с этим помощником его высочества?

Борис мысленно пожал плечами и решил, что он просто давно не видел Горецкого, оттого и кажется ему поведение бывшего полковника немного странным.

– Дело в том, – отвечал между тем Павел Петрович, – что муж Ольги Кирилловны в семнадцатом году находился на фронте, заболел там тяжело. Она, получив срочную депешу, решила ехать к нему, оставив Сашу на попечение верной своей подруги Агнии Львовны Мезенцевой. Однако не доехала до Ставки, поскольку узнала, что мужа отправили в тыл. Пока она добиралась до него, поезд разграбили пьяные дезертиры, она осталась без вещей и без денег, с трудом добралась до Петрограда. Полковник Сергеев умер в пути, это последние верные сведения о семье. В восемнадцатом году, спасаясь от голода и террора, Ольга Кирилловна с дочерью выехали из Петрограда на юг.

«Все ясно, – Борис переглянулся с Аркадием Петровичем, – родные так и не смогли простить великой княжне мезальянса. Они терпеть не могли ее мужа – как же, простой полковник! – и ненавидели саму Ольгу за то, что проявила характер и решила поступить против воли семьи. Она отдалилась от них и жила как обычные люди – муж служил, она воспитывала дочку. Все было бы прекрасно, если бы не случилась революция».

Он вспомнил ужасную зиму восемнадцатого года в Петрограде. Синие губы умирающей матери, ее задыхающийся шепот, темнота на улицах, еженощное бдение в ожидании, что придут, застучат сапогами в дверь, ворвутся пьяные матросы с обыском, отберут все, что еще не

---

² См. роман Н. Александровой «Закат на Босфоре».

отобрали до них, и уведут с собой, в страшные подвалы Чрезвычайки. Голод и холод гнал людей на улицы, нужно было менять вещи на дрова и продукты. Днем на толкучке орудовали воры и мошенники, ночью обывателей подстерегал патруль и налетчики. Борис похоронил мать в феврале и к весне с трудом вырвался из этого ада.

– Их просто бросили на произвол судьбы, ведь так? – спросил Борис, в упор глядя на Павла Петровича.

– Не нужно так горячиться, – сказал Павел Петрович, не отводя глаз, – мне характеризовали вас как спокойного, уравновешенного, здравомыслящего человека.

Горецкий тронул Бориса за руку и бросил косой взгляд из-под пенсне. Взгляд был из репертуара не того добрячка-профессора, а полковника, который умел повелевать и допрашивать.

– По непроверенным данным, – продолжал Павел Петрович после некоторого молчания, – мать с дочерью видели осенью девятнадцатого года в Киеве, после чего след их потерялся.

Борис тяжело вздохнул. Он вспомнил выматывающие поиски пропавшей сестренки Вари, вспомнил, как он мотался по югу России, переходя от надежды к отчаянию, едва успевая уворачиваться от многочисленных опасностей.

– Его высочество не надеялся на встречу с сестрой и племянницей, он думал, что их нет в живых. И вот несколько недель назад до нас дошла весть, что Сашенька жива.

– Каким образом ей удалось спастись? – с интересом спросил Горецкий.

– Неизвестно, – на этот раз Павел Петрович опустил глаза, – я вам больше скажу, неизвестно, где она живет и с кем. Но Ольги Кирилловны нет в живых, это точно. Не стану скрывать, человек, что привез известие о Саше, сам ее не видел...

– Вот как? – Горецкий с недоверием поднял брови.

– Он имел беседу с неким лицом, которое утверждало, что знает о местонахождении Александры Николаевны и может снестись с ней в любое время. Человек этот в свое время был коротко знаком с его высочеством, – Павел Петрович кивнул на стену, что выходила в кабинет, – у нас нет причин ему не доверять. Он со своей стороны вынужден быть очень осторожным, вы понимаете почему. Поэтому он не дал посыльному ни письма, ни открытки, а только просил передать на словах, что Сашенька находится в крайне бедственном положении и нуждается в помощи. Он, разумеется, ничего ей не говорил, чтобы не вселять необоснованную надежду.

Горецкий согласно кивнул, показывая, что одобряет такое поведение.

– Мне неясно одно, – медленно проговорил Борис, – какое отношение ко всей этой истории имею я?

– Вот как раз сейчас я объясню! – обрадовался Павел Петрович. – Дело в том, что лицо, от которого мы получили сведения о племяннице, – это Ртищев Павел Аристархович, вам знакомо это имя?

– Ртищев! – воскликнул Борис. – Не может быть!

Профессор, искусствовед, старый друг его отца, Павел Аристархович Ртищев был знаком ему с детства. Он часто бывал у них дома – запросто, без приглашения, так как был на коротке со всем семейством. Он был холост и утверждал, что дети Ордынцевы заменяют ему племянников. Летом они снимали дачи рядом в Озерках, Павел Аристархович водил Бориса гулять на дальнее озеро – это называлось «пойти в поход», они устраивали привал и настоящий костер и даже иногда пекли в нем картошку. Маленькую Варю не брали на такие прогулки, и она дулась потом на Бориса целый вечер.

Зато дядя Па, как называла его Варя, научил ее стрелять из самодельного лука. Они втыкали в Варины волосы несколько вороньих перьев, раскрашивали лицо сажей и маминой

губной помадой, дядя Па называл Варю настоящей индейской скво. Борис и сейчас видит перед собой чумазую мордашку с растрепанными льняными кудряшками.

Отец не принимал участия в их забавах, он терпеть не мог дачную жизнь, все эти пикники и катания на лодках.

«Что такое пикник? – посмеивался он, видя, как мама запаковывает корзинку с едой. – Это когда вот это яйцо надо обязательно съесть под вон той сосной! Почему чай с вареньем надо пить обязательно на террасе? Потому что только там вас искушают комары! А без комаров летом чаю не бывает!»

– Неужели Павел Аристархович жив? – удивился Борис. – Неужели он уцелел после голода, расстрелов и чисток?

– Представьте себе, – кивнул Павел Петрович. – Жизнь иногда бывает непредсказуема. Он имел беседу с нашим человеком и не скрыл, что не доверяет ему. По этой причине он не назвал ни своего местожительства, ни местонахождения Александры Николаевны. Он заявил, что может довериться только вам – про вас он точно знает, что вы в эмиграции и никак не можете быть агентом ГПУ.

Борис пожал плечами – похоже, старик малость тронулся там, в Петрограде, от страха и голода. Он тут же почувствовал, как щеки опалила краска стыда. Какое право он имеет так думать? Сколько мужества понадобилось несчастному Павлу Аристарховичу, чтобы выжить в голодном, холодном и враждебном городе! А ведь он далеко не молод, года на три старше отца...

– Итак, вашей задачей будет отыскать господина Ртищева и убедить его указать местонахождение Александры Николаевны, – заговорил Павел Петрович.

– Минуточку... – мягко прервал его Горецкий, – я бы хотел уточнить некоторые детали. Во-первых, откуда профессор Ртищев узнал, что Борис Андреевич находится в Париже?

– Он сказал, что слышал об этом от общих знакомых. Кто-то, дескать, получил письмо из Крыма в двадцатом году от племянника или двоюродного брата, где названы имена знакомых людей, которым удалось сесть на пароходы и отплыть в Константинополь.

– Это очень неосторожный поступок! – Пенсне Горецкого слетело и заболталось на шнурке.

– Согласен, – Павел Петрович наклонил голову, – однако это поможет нам в поисках Сашеньки.

– И второй вопрос, – настойчиво продолжал Горецкий, – известно ли хотя бы приблизительно, с кем живет Александра Николаевна и чем занимается? Возможно, она замужем или имеет сожителя... В таком случае могут быть непредвиденные осложнения...

Павел Петрович сморщился, как от зубной боли, и замахал руками:

– Она одинока и, кажется, больна. Во всяком случае, очень бедствует. Ее поддерживает подруга ее матери...

– Та самая Мезенцева Агния Львовна? – слегка оживился Горецкий.

– Кажется... Пока им удастся скрывать Сашенькино происхождение, но, сами понимаете, в этой Совдепии сейчас идут бесконечные расследования. Большевики называют их чистками и говорят, что выметут поганой метлой всех социально чуждых элементов из советских учреждений.

Борису все не нравилось в этой истории. Этот доживающий последние дни старик, этот хлопотливый Павел Петрович, эти скудные сведения о племяннице. Никто ее не видел, никто не знает, где она сейчас. Да был ли мальчик-то? Единственное знакомое имя – Павел Аристархович Ртищев. В восемнадцатом году он был жив, Борис помнит, как он плакал после похорон матери, когда они вдвоем сидели в холодной квартире и пили спирт, который Борис достал у сапожника Михрютина, отдав ему последнее, что было в доме, – отцовские именные часы.

Если рассуждать здраво, то следовало немедленно отказаться от такого сомнительного предложения. В самом деле, получается ведь как в сказке: «Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что...» Да не просто пойди, а еще преодолей множество опасностей, рискни единственным, что у тебя осталось, – собственной жизнью. Не зря Горецкий задает Павлу Петровичу так много вопросов, ясно, что ему тоже не слишком нравится эта история.

Борис слегка подвинулся вместе с банкеткой, чтобы лучше видеть лицо Аркадия Петровича. Тот встретился с ним взглядом, но Борис ничего не смог прочесть в глазах бывшего полковника. Когда нужно, Горецкий хорошо умел скрывать свои мысли и чувства.

Борис рассердился на себя. Для чего он оглядывается на своего бывшего начальника? Теперь они не имеют друг к другу никакого отношения, оба вышли в отставку, Борис теперь не поручик, а Горецкий – не полковник. И в этом деле не имеет никакого своего интереса, он просто посредник. Привел Бориса на встречу – и все, больше от него ничего не требовалось. Борис сам должен решить, согласен ли он выполнить это поручение.

– Ну-с, милостивый государь, что вы можете мне сказать определенного? – напомнил о себе Павел Петрович, и глаза его блеснули чуть насмешливо, как у Арлекина на старой ширме.

Борис закусил губу и отвернулся. Если он откажется, что ждет его здесь, в Париже? Медленное умирание. Он ужасно, просто безумно устал от нищеты, тоскливой, бесполезной жизни. Ему противны соотечественники – бедно одетые, с глазами, полными покорной униженности или лихорадочной заносчивости. Дамы, слезливо вспоминающие русские березки, мужчины, спорящие до хрипоты о политике, осуждающие Клемансо³ или же расхваливающие лорда Керзона⁴. Уже никто не считает дни до падения большевистского режима, все давно потеряли надежду. Борису глубоко неприятна такая жизнь, он хотел бы забыть о прошлом и начать все заново. Но возможно ли это в его положении?

Куда он пойдет отсюда, если откажется? В темную комнатку на шестом этаже, узкую, как школьный пенал, где летом жарко, потому что накаляется крыша, а зимой холодно, потому что не работает дымоход и хозяйка, мадам Жирден, отказывается его чистить, потому что Борис задолжал ей за квартиру за много месяцев. В комнате всегда душно и пахнет персидским порошком от клопов. Она такая маленькая, что вмещает только узкую койку, стул и тумбочку. Горничная, подученная хозяйкой, никогда не приносит Борису горячей воды для бритья. Да и умывальника никакого в комнате нет, только колченогая табуретка, а на ней – треснутый фаянсовый таз и такой же кувшин вовсе без ручки. И за такой, с позволения сказать, комфорт, мадам дерет со своих постояльцев три шкуры.

Он будто наяву слышал жестяной шелест хозяйкиных юбок, ее визгливый голос, без труда преодолевающий шесть этажей и проникающий ему, Борису, прямо в мозг. И эта смесь французского с нижегородским! Мадам родом из Одессы, фамилия ее была Жирденко, и мадам офранцузила ее, убрав последний слог.

Воспоминание встало перед глазами так ярко, что Борис вздрогнул.

– Я жду ответа, – напомнил Павел Петрович.

– Я согласен, – ответил Борис и успел заметить в глазах Горецкого искорки интереса. Впрочем, Аркадий Петрович быстро опустил глаза, после чего надел пенсне и снова глядел бодрячком-профессором, милым и чудаковатым. Борис усмехнулся про себя и подумал, что Горецкий в своем репертуаре. Наверняка за эту услугу его высочеству он сумеет получить ответную услугу, либо же с ним поделится важной информацией или сведут с нужным человеком. Аркадий Петрович Горецкий всегда умел обратить любой случай на пользу своим делам.

– Кстати, я желал бы знать, что мне причитается в случае успеха данного предприятия, – громко сказал Борис, вставая с ненавистной банкетки.

---

³ Клемансо, Жорж Бенджамен – премьер-министр Франции.

⁴ Керзон, Джордж – британский государственный деятель, министр иностранных дел.

– Тише! – невольно вскинулся Павел Петрович. – Вы потревожите сон его высочества...

– Надеюсь, его высочество не всерьез сказал об одолжении? – Борис не стал понижать голос. – Мне говорили, что это – чисто коммерческое предприятие, стало быть, по окончании экспедиции всем участникам причитается награда. Я хотел бы узнать, сколько...

Павел Петрович укоризненно покачал головой и оглянулся на дверь.

– Вы свободны, господин Ордынцев, все остальное вам объяснит Аркадий Петрович.

С этими словами он раскрыл дверь в кабинет. Проходя мимо стола, Борис оглянулся. Старика в кресле уже не было.

Глава 2

*Неси вино, хозяйка,
Неси его скорей!
И хлеба нам подай-ка,
И мясо разогрей!
Пуская твоя таверна —
Дешевая дыра,
Мы просидим, наверно,
До самого утра...*

Ордынцев проехал на поезде подземной дороги до названной ему станции, поднялся по движущейся лестнице на небольшую круглую площадь, освещенную несколькими тускло горящими газовыми фонарями. Через площадь, поглядывая по сторонам скучающими взглядами и негромко переговариваясь, прошли два полицейских в пальто с пелеринами. Сверху равнодушно смотрели неяркие звезды, приглушенные ядовитыми городскими испарениями. В окнах домов, обступивших площадь, как зеваки обступают павшую лошадь, светились кое-где керосиновые лампы.

Вдалеке слышался шум людных парижских улиц, мерцали отсветы электрических огней, но здесь было тихо и мрачно, как будто Борис оказался вовсе не в Париже, а в глухой провинции.

Борис зябко поежился, поднял воротник и вошел в кафе.

В зале было полутемно и почти пусто, только за цинковым прилавком скучал долговязый блондин в испачканном переднике, да вокруг одного из столиков, потемневших от пролитого вина и котлетного жира, негромко переговаривалась компания из четырех человек. Когда в кафе вошел Борис, один из этих четверых быстро оглянулся и начал привставать. Борис, как ему было велено, засвистел марш из «Аиды».

— Спокойно, господа! — довольно громко проговорил другой, сидевший лицом к двери. — Это тот человек, о котором нам говорили!

— Говорили!.. — протянула высокая худая женщина с неестественно бледным лицом. — Мне кажется, все вокруг слишком много говорят! Делом, господа, надо заниматься!

Она закурила тонкую папиросу в черепаховом мундштуке и смерила Бориса холодным, неприязненным взглядом.

Борис подошел к столу и оглядел присутствующих.

Человек, сидевший лицом к двери, был высок и широкоплеч, с густыми темными бровями и белесым сабельным шрамом, перечеркнувшим левую щеку. На вид ему было лет сорок, и в нем чувствовались внутренняя сила и решительность. Его впалые щеки были тщательно, до сизого отсвета, выбриты. Борис почувствовал в нем своего брата офицера, хотя одет он был во все штатское и держался нарочито расхлябанно, скрывая военную выправку.

Слева от него сидел очень худой человек небольшого роста, с оттопыренными ушами и подвижным, словно обезьяньим, лицом. Впрочем, в нем и вообще было что-то обезьянье. Одет он был по американской моде: клетчатый короткий пиджак с высокими плечами, остроносые башмаки, широкие штаны.

По правую руку от бывшего офицера сидела, зажав в зубах мундштук с папиросой, упомянутая уже бледная худая женщина. Женщина эта была породиста и, пожалуй, красива, но ее портила некоторая неправильность лица. Казалось, что нижняя его половина находится в вечной непримиримой ссоре с верхней, и все, что выражали узкие губы, подведенные кроваво-красной помадой, тут же оспаривали холодные, слегка раскосые глаза. Если глаза говорили «да», губы непременно произносили «нет».

Черные короткие волосы ее прилегали к голове на манер шапочки, и глаза смотрели на Бориса из-под челки сурово и непримиримо, губы же сложились в насмешливую ухмылку.

Наконец, тот человек, что сидел спиной к двери кафе, тот, который приподнялся при появлении Бориса, был плотный подвижный брюнет с коротко стриженными волосами и пышной щеткой усов. Если во внешности «американца» было что-то обезьянье, то в этом усатом господине можно было приметить сходство с сытым котом. Он смотрел на Ордынцева с какой-то привычной подозрительностью, как будто слышал от общих знакомых о его мелкой непорядочности.

– А позволь спросить, Серж... – обратился усатый брюнет к бывшему офицеру. Но тот не дал ему договорить, предупредительно поднял руку и коротко бросил:

– Не позволю!

Тут же он поднялся из-за стола и направился к прилавку.

Остальные собеседники, словно по безмолвной команде, тоже повставали с мест, шумно задвигали стульями и потянулись за своим несомненным предводителем. Борис замешкался было, но плотный брюнет подошел к нему вплотную и проговорил сквозь зубы, презрительно топорща усы, как брезгливый кот:

– Что же вы стоите, господин хороший? Идемте, коли уж заявились к нам! У нас, знаете ли, разговор короткий...

Борис хмыкнул, пожал плечами и двинулся вслед за новыми знакомыми. Усатый брюнет шел за ним следом, поглядывая в замызганный пол кафе, как будто искал на этом полу потерянные деньги.

Зайдя за прилавок, предводитель странной компании искоса взглянул на буфетчика. Тот, с прежним скучающим лицом и не переставая перетирать несвежим полотенцем бокалы, отступил несколько в сторону и нажал ногой на неприметную педаль под самой стойкой. Тут же в задней стенке приоткрылась незаметная дверка. Бывший офицер пригнулся и нырнул в скрытую за дверью темноту, за ним с чрезвычайной ловкостью проскользнул «американец» в клетчатом пиджаке. Женщина задержалась, слегка отступив в сторону, и брюнет, взявший Ордынцева под свое особое покровительство, подтолкнул Бориса к двери.

Борису все происходящее не очень нравилось, однако коли назвался груздем, так полезай в кузов, и он, наклонившись, последовал в неизвестность.

За дверью оказались две крутые ступеньки, ведущие вниз, а затем – узкая доска, переброшенная через глубокую яму.

Борис невольно оценил осторожность своих новых знакомцев: стоило убрать доску – и проход за стойкой кафе становился почти непреодолимым, особенно с учетом темноты. Осторожно ступив на доску, он перешел по ней через яму, как переходят по шатким сходням на борт корабля.

При этом ему невольно вспомнилась страшная эвакуация из Новороссийска, крики пробивающихся к сходням людей, стоны раненых, ржание коней, неотвратимо приближающийся грозный гул артиллерии красных...

Левый висок привычно заломило, но Борис справился с мучительным воспоминанием, сделал последний шаг, ступив на твердую землю, и огляделся.

Он находился теперь в каком-то сарае. Чуть в стороне, пристально наблюдая за ним, стоял бывший офицер, держа в руке зажженную серную спичку. Немного дальше, возле двери сарая, «американец», потешно вывернувшись, счищал со своих широких штанов невидимую соринку. Сзади, вслед за Ордынцевым, шла по шаткой доске женщина с мундштуком в руке. Последний член сообщества, усатый брюнет, приглядывавший за Ордынцевым, стоял по другую сторону ямы с настороженным и выжидающим видом.

Борис невольно шагнул навстречу женщине, протянул руку, чтобы помочь ей сойти с доски.

Однако она, увидев его движение, отдернула руку, как будто боясь испачкаться, и зло зашипела на Бориса:

– Ты за кого меня принимаешь? Я тебе не барышня-курсистка! Еще раз руку подашь – горло перережу! Понял?

Раскосые ее глаза при этом полыхнули на Бориса ледяной ненавистью, но узкие губы искривились в насмешке, словно призывая не принимать эти слова всерьез.

– Я вовсе не хотел вас оскорбить... – процедил Борис, отступив в сторону и недоуменно пожав плечами. – Впрочем, сударыня, как вам будет угодно...

– Мари у нас такая! – насмешливо проговорил бывший офицер, наблюдавший за Борисом. – Может и горло перерезать. Так что, господин хороший, рекомендую вам поскорее избавиться от ваших манер. Тем более там, куда мы направляемся, эти манеры могут быть крайне опасны и выдадут сотрудникам ЧК ваше истинное происхождение. Впрочем, идемте дальше, мы и так задержались.

С этими словами он развернулся и толкнул дверь сарая.

Борис последовал за ним и снова оказался на улице, точнее – в темном, безлюдном переулке. Снова, как прежде, нависало над ним сизое ночное небо, редко утыканное неяркими городскими звездами. Только здесь уж не было и жалких газовых фонарей.

Ордынцев шагнул вперед, вглядываясь в темноту, и вдруг его что-то ударило по ногам. Споткнувшись, он потерял равновесие и упал лицом на замызанную брусчатку. Хотел было вскочить – но на него сверху навалилось что-то тяжелое, жаркое, раздраженно пыхтящее...

– Не рыпайся, господин хороший! – прошипел прямо в ухо голос усатого брюнета.

Сильные руки ловко обшарили одежду Бориса, затем невидимый противник отскочил. Ордынцев, зло выругавшись, вскочил на ноги, завертелся, оглядываясь по сторонам.

Новые знакомые стояли вокруг него на некотором расстоянии, обмениваясь взглядами и усмешками. Усатый тип находился возле стены только что покинутого сарая, потирал руки, отдувался.

– Чист, – проговорил он наконец, обращаясь к бывшему офицеру. – Оружия при нем нет.

– Это легкомысленно, – процедил офицер, оглядывая Бориса, как будто впервые его видел. – Ходить по ночному Парижу без «нагана» – удивительная глупость! Совершенно непростительная! В наше время здесь могут встретиться самые опасные личности...

– Вроде нас! – проговорил усатый брюнет с глумливой усмешкой и вдруг наставил на Ордынцева черное дуло револьвера, не поднимая оружие, держа его по-бандитски, возле бедра. – Что ж, господин хороший, приятно было познакомиться, но пора и честь знать...

В ту же секунду Борис вскинул левую руку, и из рукава вылетело тускло блеснувшее лезвие. Короткой стрелой промелькнув в сыром воздухе, нож проткнул рукав усатого и пришил его к дощатой стене сарая. Револьвер, глухо звякнув, покатился по брусчатке.

– Вот черт! – прошипел брюнет, перекосившись. – Сволочь краснозадая!

Борис подхватил выпавший револьвер, отскочил в сторону и настороженно оглядывался, ожидая нового подвоха.

– Bravo! – бывший офицер захлопал в ладоши. – Bravo, молодой человек! Где это вы такому трюку обучились?

– У греческих контрабандистов! – отозвался Ордынцев, медленно отступая. – В девятнадцатом году под Феодосией привелось с ними столкнуться...

– А ты, Ванечка, сам виноват, – офицер повернулся к злобно пыхтящему брюнету, – нужно было как следует обыскивать! И скажи спасибо нашему новому другу, что он обошелся с тобой по-джентльменски, только рукав проткнул. Я бы на его месте руки твоей не пожалел...

– Я же его досконально обшарил! – проныл брюнет, с трудом выдергивая нож из стены сарая и потирая ушибленную руку. – Вот черт большевистский, ловко ножом орудует!

– Насчет большевиков поосторожнее! – оборвал его Борис. – У меня с большевиками давние счеты!

– Не обижайтесь, друг мой! – Бывший офицер приблизился к Ордынцеву, положил руку ему на плечо. – Это у Ванечки привычка такая – большевиками всех костерит. Опасная, кстати, привычка. Как границу перейдем – он разом перестанет. А вас должны же мы были проверить – на серьезное дело идем, с кем попало нельзя связываться.

– Ну и как – проверили? – недовольно покосился на него Борис.

– Будем считать, что да. – Офицер протянул руку: – Вы «наган»-то отдайте, он вам не понадобится...

– Напрасно, Серж, ты ему поверил! – подала голос Мари. – Не нравится мне его физиономия!

– Перетерпишь! – отрезал офицер. – Так вот, друг мой, мы с вами теперь почти знакомы. С Мари у вас отношения явно не сложились. Ну да это не страшно. Стерпится – слюбится, как говорил мой двоюродный дядюшка. Покойник разводил породистых борзых. Ванечка – человек отходчивый, так что с ним проблем не будет. Ну, меня вам, можно считать, представила Мари... еще остается Луиджи. – Серж кивнул на «американца». – Удивительной ловкости человек. Просто как обезьяна! А как вас прикажете величать?

– О... – Борис хотел было назвать свою настоящую фамилию, но вдруг его словно что-то остановило.

– О?... – переспросил Серж. – Вроде бы вы, друг мой, прежде не заикались!

Борис тут же сообразил, что его новые знакомые наверняка навели о нем справки и многое про него знают.

– Мнется, как гимназистка на большой перемене! – захихикал Ванечка.

– Меня зовут Борис. И вы прекрасно об этом знаете, – отчеканил Ордынцев.

– Что ж, – кивнул Серж, – пусть будет Борис. И на этом закончим. Не стоит забивать нам голову вашей фамилией, отчеством и рассказывать, какие пирожки пекла ваша няня. Про детство тоже не надо, у всех оно было, да не все его помнят... Ванечка для нас тоже только Ванечка, да и Мари – только Мари. Я уж не говорю о нас с Луиджи. Время у нас трудное, так что совершенно не нужно интересоваться личной жизнью друг друга.

– Вы весьма проникательны. – Борис с возрастающим интересом разглядывал Сержа. – А позвольте спросить – в каком полку служили?

– Не позволю. – Серж вдруг недобро взглянул на Ордынцева, в его взгляде загорелись зеленоватые волчьи огни, и на парижской улице словно дохнуло зимней ночной степью. – Что было – то прошло, и незачем ворошить прошлое! Мы с вами, кажется, договорились: вы – Борис, я – Серж, а прочее ни к чему. И никакого прошлого ни у кого из нас нет! Важно только, кто из нас к чему пригоден. Каждый из присутствующих имеет какую-то способность, так сказать, человек-инструмент. Вот Луиджи, например, ловок как черт, может в любую форточку пролезть, по карнизам ходит, как кошка. Этим и ценен, за то и держим его в нашем дружном сообществе.

– Кстати, я как раз прошлого своего не скрываю, – поддал голос «американец». – Я в прежней жизни был известнейшим цирковым артистом. Было время, когда по всей России мои афиши красовались – «Луиджи Пиранелли, резиновый человек»! Не доводилось бывать на моих представлениях?

– Нет, – отрезал Борис. – Цирковые представления не посещал. Имелись другие интересы... А что же вы по прежней своей специальности не работаете? Цирковые артисты и в Париже нужны... вот даже генерал Шкуро, личность небезызвестная, в цирк устроился, конную вольтижировку французским буржуа демонстрирует...

– Не слушайте его, mon sher! – прервал Бориса Серж. – Луиджи скромничает, в его прошлом тоже много темных страниц, которые лучше не перечитывать, так что путь в обычную

обывательскую жизнь для него заказан. Впрочем, он к ней и не стремится. Продолжим знакомство. Ванечка – редкий умелец, может практически голыми руками открыть любой самый хитроумный замок, может также починить любой механизм – от огнестрельного оружия до автомобиля. Совершенно незаменимый человек в нашем деле!

Ванечка безмолвно поклонился.

– С Мари, я надеюсь, вы со временем сумеете найти общий язык. Она в нашем деле так же необходима, как все прочие, поскольку, как вы, должно быть, заметили, принадлежит к прекрасной половине человечества...

– Серж, прекрати паясничать! – прошипела женщина, губы ее при этом презрительно сжались, глаза же, наоборот, заискрились в неверном свете свечи от какого-то приятного воспоминания.

– А очень часто быть женщиной весьма выгодно, – продолжал Серж, не обратив на ее слова ни малейшего внимания. – Зачастую женщину пропустят туда, куда мужчине вход заказан. Кроме того, Мари прекрасно стреляет, да и с холодным оружием управляется... гм... весьма недурно! – Он выразительно взглянул на нож Бориса. – Впрочем, думаю, что вас этим не удивишь.

– А вы? – проговорил Ордынцев, пристально разглядывая Сержа. – Вы также обладаете каким-то особым умением?

– Всего понемногу! – Серж сделал неопределенный жест рукой. – Всего понемногу. А главное – я командир этого маленького отряда, так что с меня некому спрашивать! – И он жизнерадостно рассмеялся, как будто находился не в грязном и опасном парижском переулке, а за обедом в роскошном ресторане на Елисейских полях.

– Лучше скажи, для чего нам нужен этот красавчик? – процедила Мари, повернувшись к Сержу. – Мы столько времени работаем вчетвером, и все пока проходило благополучно, потому что мы друг другу доверяем и знаем друг друга как облупленных. Теперь мы возьмем с собой этого молокососа, и дело наверняка провалится...

– Успокойся, Мари! – прервал ее Серж. – Наш новый друг – вовсе не молокосос, он только что доказал нам это. Кроме того, в наше время в России молокососов и вовсе не осталось, вымерли как мамонты за годы революции и войны. А главное – нам непременно нужно взять его в свой отряд, потому что только он знает того человека, к которому мы идем. А что еще важнее – только его знает тот человек, только ему он доверяет...

– А мне вообще не по душе эта операция! – не умолкала Мари. – У меня скверное предчувствие...

– Свои предчувствия оставь при себе! – грубо оборвал ее Серж. – Ты же сама любишь повторять, что ты не барышня-курсистка! А только эти изнеженные особы прислушиваются к приметам и предчувствиям! За эту операцию нам обещали очень хорошие деньги, так что мы ее выполним, наплевав на все твои предчувствия! Только представь себе – пятьдесят тысяч франков! Мы всегда делим доходы поровну, – обратился он к Борису, – таковы установленные правила. Так что, Мари, дорогая, с помощью этого молодого человека мы заработаем приличные деньги, и ради этого ты должна быть с ним поласковее...

– Поласковее? – переспросила Мари не своим, севшим, голосом. – Ты сказал – поласковее?

Губы ее искривились, как у обиженного ребенка, глаза же застыли, уставившись вдаль, словно там, за линией горизонта, она видела что-то ужасное. Вот она помотала головой, как будто стараясь избавиться от назойливого воспоминания, и закрыла лицо руками.

Серж одним прыжком оказался рядом, взял Мари за руки и заглянул в глаза. Очевидно, то, что он там увидел, ему очень не понравилось, потому что он притянул Мари к себе и забормotal что-то строго и вместе с тем нежно.

Борис не удержался и хмыкнул, за что получил удар в бок от Ванечки. Наконец черты лица Мари разгладились, она повернулась и окинула мужчин равнодушным взглядом, губы при этом попытались улыбнуться. Но при пустых глазах улыбка смотрелась как оскал гиены. Она достала папиросу дрожащей рукой.

Серж дал Мари прикурить и посмотрел на Бориса волком. Борис демонстративно пожал плечами.

– Стало быть, договорились, – твердо сказал Серж. – Вопрос дальнейшему обсуждению не подлежит. Мари с собой справится, верно, дорогая?

Мари промолчала.

– Итак, мы с вами познакомились, – подвел Серж итог разговора. – И сейчас разойдемся. О времени и месте следующей встречи вас своевременно предупредят...

Ордынцев хотел задать ему множество вопросов, но Серж неожиданно исчез, словно растворился в сыром промозглом воздухе парижской окраины. Борис удивленно завертел головой, но вокруг него не было ни души, как будто ему померещилась или приснилась встреча с этими странными и подозрительными людьми.

Он пошел вперед и через несколько минут оказался на той самой круглой площади, с которой началось его ночное приключение. По-прежнему тускло горели газовые фонари да светилося окошко кафе. Борис заглянул в него и увидел пустой маленький зал да все того же блондина за цинковым прилавком, меланхолично перетирающего несвежим полотенцем треснутые бокалы.

– Ну-с, Борис Андреевич, – мягким голосом проговорил Горецкий, – надеюсь, вы не в обиде за то, что я втравил вас в это сомнительное предприятие?

– Я сам принял решение, – уклончиво ответил Борис, – теперь назад пути нет. Тем более что за эту работу предлагают такие приличные деньги.

– Однако я чувствую некоторую ответственность... – Теперь голос Аркадия Петровича звучал нерешительно, что случалось достаточно редко, однако Борис не стал удивляться, его занимало сейчас другое.

Они выпили с Горецким кофе и теперь шли не спеша по набережной Сены мимо лотков букинистов. Дул легкий ветерок, пахло весенней водой и жареными каштанами.

– Вы, голубчик, представляете себе нынешнюю ситуацию в России? – спросил Горецкий и, не дождавшись ответа, продолжил: – К двадцать первому году в Советской России была полная разруха, причем по всей стране. В городах стояли фабрики и заводы из-за нехватки топлива, потому что рудники и шахты в Сибири были разрушены. Можете себе представить, что металла производили примерно столько, сколько выплавляли его в начале восемнадцатого века при Петре Первом!

Борис усмехнулся: профессор Горецкий в своем репертуаре, он обожает читать лекции. Ну да ладно, послушаем, всегда полезно узнать что-то новое...

– Рабочие были вынуждены покидать города и уезжать в деревню, чтобы не умереть с голоду, – продолжал Горецкий, – а в деревне тоже было не сладко. Вы слышали, надеюсь, о продразверстке? По всей провинции рыскали продотряды и отбирали подчистую у крестьянина весь хлеб. Крестьяне, возмущенные этими действиями, поднялись на вооруженную борьбу.

– Что ж они раньше не боролись? – угрюмо спросил Борис. – Когда грабить барские имения разрешали, им большевики нравились...

– Оставим это сейчас, – отмахнулся Горецкий, – я хочу обрисовать вам положение в России. Так вот, после восстаний на Украине, в Поволжье, на Кубани и в Сибири, а особенно под Тамбовом недовольство в армии вылилось в огромное восстание в Кронштадте. Оно шло под

лозунгом «Советы без коммунистов!». Восстание подавили с большим трудом, часть участников расстреляли, остальные ушли по льду в Финляндию.

После этого большевики поняли, что при таких условиях власть им не удержать, и провозгласили НЭП – новую экономическую политику, то есть временную уступку частному сектору. Продразверстка была заменена продналогом, что позволило вздохнуть крестьянству, в городах расцвели пышным цветом всевозможные акционерные компании, тресты, появились частные магазины, мастерские и фабрики. Так что не удивляйтесь, вы найдете Россию совсем не такой, какой ее покидали.

У Бориса на языке вертелся вопрос, откуда же сам Горецкий все это знает, если не был в России больше двух лет, но он благоразумно промолчал.

Париж по ночам, кажется, совсем не спит. Ближе к утру только лихорадочнее блестят глаза женщин, болезненнее светят электрические фонари на оживленных улицах, живее разговаривают завсегдатаи ночных заведений, громче и развязнее смеются собственным не слишком шумным шуткам.

В одно из таких заведений зашел во втором часу ночи плотный подвижный брюнет с густой щеткой усов на несколько копащем лице. Он устроился за столиком возле окна, который закрывала собой пыльная раскидистая пальма, хлопнул ладонью по мраморной столешнице.

Тут же возле него образовался гарсон – обычный парижский гарсон с прилизанными редкими волосами, густо смазанными бриолином, с кривым подозрительным носом, в несвежем белом фартуке.

– Мосье Жан! – проговорил гарсон, узнав посетителя. – Вы сегодня поздно! Вам как обычно?

Ванечка молча кивнул. Гарсон для виду повозил по столу тряпкой, удалился, через несколько минут вернулся с рюмкой кальвадоса и графином воды.

– Как дела? – вежливо осведомился гарсон, расставляя принесенное на столе.

– Нормально, – довольно кисло отозвался клиент и отвернулся к окну.

Гарсон пожал плечами и отошел к другому столу.

С этими русскими никогда не поймешь, как себя вести. Он хотел быть вежливым, завел разговор...

Ванечка пригубил кальвадос, окинул взглядом зал.

За пальмой он чувствовал себя в относительной безопасности и мог разглядывать немногочисленных посетителей заведения – траченных жизнью субъектов неопределенного возраста, вышедших в тираж проституток, воров с холеными руками музыкантов и бегущими, беспокойными глазами.

Вдруг дверь отворилась, и Ванечка увидел на пороге лицо, чрезвычайно хорошо ему знакомое. Он даже приподнялся было, чтобы приветливо помахать рукой и пригласить появившуюся особу за свой стол, но с удивлением заметил, что особа эта держится с неуместной настороженностью, попросту говоря – воровато. Это поведение показалось Ванечке весьма странным, и он не стал привлекать к себе внимания, напротив, спрятался за пальму и принялся наблюдать оттуда за происходящим.

Появившаяся в ночном кафе личность, подозрительно оглядев зал, устроилась за угловым столиком, заказала рюмку коньяку. Не прошло, однако, и пяти минут, как в кафе пришел еще один человек. Вновь пришедшего Ванечка также знал, и знал не с самой лучшей стороны, поэтому, когда тот подсел к знакомой Ванечке персоне, удивлению мосье Жана не было предела.

Двое переговорили, затем произошло то, что вызвало у Ванечки еще большее удивление: из рук вновь прибывшего в руки знакомой персоны перекидывал конверт.

Ванечка, он же мосье Жан, мог бы дать голову на отсечение, что в этом конверте были деньги. Да что там голову! Он дал бы на отсечение свои золотые руки, которые кормили его в самые трудные времена войн и революций!

– Вот так дела! – пробормотал Ванечка, усиленно моргая, чтобы ничего не пропустить. – Вот это номер!

Он подумал даже, что сие событие надо непременно обсудить кое с кем из знакомых.

Тут к нему подошел гарсон, чтобы предложить еще одну рюмку кальвадоса. Ванечка отказался, чем вызвал недоумение гарсона: обычно он выпивал не менее трех рюмок. Когда же разочарованный гарсон удалился и Ванечка вновь взглянул на угловой столик, за ним уже никого не было.

– Ну и дела! – повторил Ванечка, ни к кому особенно не обращаясь, положил на столик деньги и направился к выходу из заведения.

Он вышел на ночную улицу и огляделся по сторонам.

За время, проведенное им в заведении, погода испортилась, с неба сеял мелкий противный дождик, и темнота вокруг стусилась до неприличия. Знакомые ему люди успели скрыться в неизвестном направлении, и искать их такой промозглой ночью было делом глупым и неблагодарным. Ванечка поднял воротник короткого пальто, засунул руки в карманы и пошел прочь. Он уже почти выкинул из головы странную встречу и думал о теплой постели, в которой дожидалась его Жанет, продавщица из цветочного магазина «Голубая маргаритка». У Жанет были немного кривые ноги, но этот небольшой недостаток вполне искупался ее бурным темпераментом. Ванечка сильно подозревал, что в жилах Жанет есть изрядная доля марокканской крови.

Он уже порядочно отошел от ночного кафе, и на улице стало еще темнее. Внезапно сквозь тихий шорох дождя Ванечка услышал за спиной звук шагов.

Ванечка остановился, чтобы прислушаться, – и шаги тут же затихли. Он пошел вперед – и шаги возобновились.

Такие странные шаги на ночной улице – вещь неприятная, они могут значить только одно: скорую встречу с уличными грабителями, которых в послевоенном Париже развелось немислимое множество. Впрочем, Ванечка таких встреч не очень боялся: человеку, прошедшему через революцию и войну, повидавшему чекистов и махновцев, парижские головорезы кажутся безобидными, как мальчики из церковного хора. Кроме того, в кармане у Ванечки лежал его дорогой друг, тяжелый бельгийский револьвер системы «Наган».

Поэтому Ванечка не слишком испугался. Пройдя еще немного, он резко развернулся, чтобы разглядеть своего преследователя, оказаться с ним лицом к лицу.

И к немалому своему удивлению, увидел ту самую особу, встреча с которой так смутила его в кафе.

– Так это ты! – проговорил Ванечка, облегченно вздохнув. – А я было подумал, что мной заинтересовались молодчики Толстого Луи!

– Нет, Ванечка, это я!.. – прошелестел из темноты знакомый голос.

И что-то в этом голосе насторожило Ванечку.

– Pardon, – проговорил он, вглядываясь в знакомое лицо. – Кажется, я видел тебя в кафе... ты там встречался с...

– Тсс! – донеслось из темноты. – Не надо никаких имен! Как, однако, все это неудачно, в особенности для тебя! Знаешь, Ванечка, как бывает – оказываешься не в то время и не в том месте, и это приводит к скверным последствиям!

Знакомая особа сделала полшага вперед, и в темноте угрожающе блеснули белки глаз.

– Что ты хочешь сказать... – Ванечка нервно облизнул губы и на всякий случай нащупал в кармане ребристую рукоятку «нагана». Но в ту же секунду он услышал за своей спиной подозрительный шорох.

Ванечка резко обернулся, одновременно вытягивая из кармана револьвер, и увидел перед собой совершенно уморительного человечка. Ростом тот был с семилетнего ребенка, однако носил роскошные усы и одевался щегольски, совершенно неуместно для ночной улицы – черный сюртучок, шелковый жилет, расшитый удивительными тропическими цветами, лаковые штиблеты.

Ванечка удивленно уставился на нарядного карлика и потерял из-за этого драгоценную секунду. Карлик же грозно распушил усы, набычился и, с удивительным проворством подскочив к Ванечке, воткнул ему в грудь невесть откуда взявшееся в его руке длинное тонкое лезвие.

Ванечка покачнулся, выронил револьвер и рухнул на брусчатку, широко раскинув руки. Так падают снопы спелой пшеницы под безжалостным серпом жнеца, так падают кавалеристы посреди русской степи, скошенные свинцом из махновского пулемета.

Перед смертью в голове его разом промелькнуло несколько мыслей. Первая – что ему удивительно не повезло: пройти невредимым через две войны и две революции, вырваться из ада, каким стала Россия, несколько раз совершить опасные экспедиции в этот красный ад – и нелепо погибнуть на улице в Париже...

Тут же за первой мыслью пронеслась вторая: учитывая сегодняшнюю встречу, новая экспедиция его друзей вряд ли закончится благополучно, и еще неизвестно, кому больше повезло – ему или остальным. Он по крайней мере погибает без мучений, а что ждет их, одному Богу известно. Может быть, им суждена лютая смерть в подвалах ЧК или этой, новой, конторы – ОГПУ...

И наконец, на смену этим двум мыслям набежала третья: что ему не суждено более наслаждаться марокканским темпераментом маленькой Жанет, но вряд ли постель малютки будет долго пустовать.

Все эти мысли едва ли заняли более секунды, и Ванечка погрузился в беспросветный мрак.

Дождик тем временем кончился, облака разошлись, и в небе снова проступили редкие неяркие звезды, отразившиеся в широко открытых глазах мертвого человека.

Нарядный карлик подскочил к труп, коснулся его шеи двумя пальцами, чтобы удостовериться в смерти, и, по-кошачьи заурчав, отскочил в темноту, где незадолго до того растворился третий участник короткого ночного происшествия.

Ордынцев отпустил извозчика, немного не доезжая до дачи, огляделся по сторонам. Вокруг не было ни души. Он подошел к калитке, постучал условным стуком – три удара, пауза, еще два удара. Калитка резко распахнулась, Бориса втащили внутрь. К шее его прижали дуло пистолета.

– Что за черт! – Борис извернулся, ударил по руке, выбив оружие, и только тогда узнал «американца» Луиджи.

Циркач окрысился на него, подобрал пистолет и прошипел:

– Ты, что ли? Я тебя поначалу не признал!

– Мы с вами на брудершафт не пили! – холодно процедил Ордынцев, смерив циркача взглядом. – Так-то вы гостей встречаете!

– Гости разные попадают, а осторожность не помешает! Время у нас сами знаете какое! – проговорил Луиджи и подтолкнул Бориса к дому.

На веранде, кутаясь в черную шерстяную шаль, сидела Мари. Она, по обыкновению, курила тонкую турецкую папиросу в длинном мундштуке. Лицо ее было еще бледнее, чем прежде, на левом виске дергалась жилка. При виде Бориса губы Мари сложились в улыбку, но глаза холодно сверкнули.

– Наш джентльмен появился! – процедила она, окинув Ордынцева неприязненным взглядом. – Вот без кого я прекрасно прожила бы всю оставшуюся жизнь!

– Взаимно, сударыня! – Борис карикатурно поклонился. – Не надоела вам эта пикировка?
– Полно, Мари! – проговорил Луиджи. – Он ведь еще не знает...

– Чего я не знаю? – Борис переводил взгляд с циркача на женщину. Они молчали, и он задал другой вопрос: – А где наш предводитель? И где великий специалист по замкам и запорам?

– Серж с минуты на минуту должен появиться! – отозвался Луиджи, потирая руки. – А насчет Ванечки... – Он переглянулся с Мари. – Должен сообщить вам, милостивый государь, пренеприятное известие. Ванечка не придет. Ни сегодня, ни в будущем. Минувшей ночью Ванечку убили уличные грабители.

– Не верю! – выдохнула Мари, откинув руку с мундштуком. – Какого черта? Ванечка не носил с собой больших денег...

– Воля твоя, Мари, – перебил ее Луиджи. – Однако в наши дни люди чрезвычайно испортились. Это прежде парижские головорезы убивали только за большие деньги, а сейчас они могут прирезать человека и за медный грош!

– Ваня умел за себя постоять! – возразила Мари и снова раздраженно уставилась на Бориса: – Пока не появился этот хлыщ, у нас все было в порядке! Он принес нам несчастье, и на этом дело не кончится! Я чувствую кровь, чувствую!

Она запрокинула голову, словно к чему-то прислушиваясь. Нервные ноздри широко раздувались.

Борис увидел, что на шее женщины проступил тонкий красноватый рубец. Он хотел ответить, но в это время скрипнула калитка, и на дорожке показались два человека.

Впереди шел незнакомец – немного сутулый господин с густыми бакенбардами, в поношенном пальто и надвинутой на глаза мятой шляпе. Следом за ним, настороженно поглядывая по сторонам, шагал Серж, держа правую руку в кармане.

– А это еще кто? – процедила Мари.

Двое мужчин поднялись по крыльцу, вошли на веранду.

– Здравствуй, Мари! Здравствуйте, господа! – приветствовал присутствующих Серж. – Позвольте представить вам Николая. Он заменит в нашей группе покойного Ванечку.

– Господи! – воскликнула Мари, воздев глаза к потолку. – Где ты его подобрал? На церковной паперти? Нет, ты как хочешь, но я отказываюсь работать в таких обстоятельствах! У нас была отличная группа, мы знали друг друга как облупленных, прошли вместе огонь и воду, а теперь ты приводишь случайных людей... сначала этого, – она кивнула на Бориса, – теперь еще какого-то...

– Нам нужен человек вместо Вани, а Николая рекомендовали как опытного специалиста. Кроме того, он боевой офицер, а это говорит само за себя...

– Я не вижу офицера! – презрительно процедила Мари. – Я вижу проходимца!

– Я боевой офицер, мадам! – прервал ее Николай. – Я доброволец, участник Ледового похода! Я прошел всю войну, трижды был ранен и не позволю задевать свое честное имя... ваше счастье, что вы женщина!..

– В самом деле, Мари, как ты можешь! – недовольно произнес Серж.

Николай закашлялся, вытащил портсигар, достал из него папиросу и огляделся в поисках огня. Борис Ордынцев достал из кармана коробку спичек, бросил новому участнику группы. Тот протянул руку, но не сумел поймать коробок. Спички с сухим стуком покатались по полу. Борис наклонился, поднял спички и попросил Николая:

– Не угостите?

– Простите, господа, разволновался, позабыл о хороших манерах! – ответил тот, протягивая портсигар. – Угощайтесь!

Борис взял папиросу, Луиджи последовал его примеру. Доставая папиросу из портсигара, циркач придержал руку Николая.

– Что это у вас? – спросил он, указывая на татуировку.

На запястье Николая была выведена корона.

– Память о Ледовом походе! – ответил тот с детской улыбкой. – Наш ротный, Астахов, сделал такие всем желающим... орденов у нас не было, так вместо них осталась эта отметина!..

Ордынцев зажег спичку, протянул огонь циркачу, затем прикурил сам и только после этого подал горящую спичку новому знакомому.

Тот закурил, обвел взглядом присутствующих.

– Я прошел всю войну, господа! – повторил, выпуская кольцо дыма. – От первых до последних дней!

– В каком полку? – осведомился Ордынцев.

– В третьей конно-горной батарее второго добровольческого кавалерийского корпуса! – отчеканил Николай.

– Под командованием полковника Топоркова? – оживился Борис. – Прекрасный человек!

– Редкостной души! – подхватил Николай. – Как говорится, отец солдатам...

– Помню, во время эвакуации из Новороссийска он под угрозой оружия заставил взять на борт транспорта раненых офицеров...

– Совершенно верно! – с чувством воскликнул Николай. – Я был одним из этих раненых офицеров и никогда не забуду благородство полковника Топоркова! Я обязан ему жизнью!

Внезапно Борис отступил на шаг и наставил на Николая ствол револьвера.

– Поднимите руки! – приказал он.

– В чем дело?! – возмущенно выпалил Николай.

– Действительно, господин хороший, вы забываетесь! – холодно протянул Серж.

– Извините, Серж, – Борис повернулся к командиру группы, не опуская оружие, – этот человек вовсе не тот, за кого он себя выдает. Для боевого офицера он слишком неловок.

– Что вы себе позволяете, молодой человек? – вспыхнул Николай. – Я, как офицер, могу потребовать удовлетворения!..

– Помолчите! – оборвал его Ордынцев. – Это не все. Вы сами знаете, Серж, ни один человек, прошедший войну, не стал бы прикуривать третьим от одной спички. Все знают эту скверную фронтовую примету – третий на спичке не доживает до утра. А самое главное, господа, полковник Топорков погиб под Орлом во время осеннего наступления и никак не мог участвовать в новороссийской эвакуации.

– Наш молодой друг прав! – подал голос Луиджи. – Я, конечно, не офицер и не знаю ваших фронтовых порядков, но зато я знаю, что за татуировка на руке этого... Николая! К Ледовому походу она не имеет никакого отношения!

– Красный шпион! – взвизгнула Мари, подскочив к побледневшему Николаю. – Сволочь большевистская! Я тебя на узкие ремешки изрежу! Я тебе кишки выпущу!

Она была близка к тому, чтобы осуществить свое обещание. Во всяком случае, в руке у нее сверкнула бритва, и лезвие приблизилось к лицу Николая. Мужчина побледнел как полотно, на лбу у него выступили мелкие капли пота.

– Угомонись! – рявкнул Серж, схватив Мари за запястье. Но бешенство, горевшее в ее глазах, сделало Мари такой сильной, что бывший офицер едва удерживал руку с бритвой. Тогда он наклонился к ее уху и негромко, но внятно проговорил: – Белая Церковь!

Мари обмякла, как будто из нее выпустили воздух. Руки ее безвольно упали вдоль тела, лицо еще больше побледнело. Она затряслась, как от холода, и опустилась в подвернувшееся кресло.

– Дайте ей рюмку коньяку! – распорядился Серж.

Луиджи торопливо плеснул в рюмку спиртное, поднес к губам Мари. Она послушно выпила и постепенно успокоилась. Только в глазах ее все еще горело тусклое пламя.

– Видите, mon sheg, как опасно нервировать Мари? – проговорил Серж, повернувшись к Николаю. – В следующий раз я могу не успеть. Так что для вас же лучше рассказать, кто вы такой и для чего хотели к нам присоединиться. Вы действительно агент ГПУ?

– Что вы, господа, что вы! – забормотал Николай, вытирая со лба холодный пот. Манеры его резко переменились, в нем не было больше офицерского апломба, а проступила суетливая простонародная закваска. – Я к ГПУ никакого касательства не имею, упаси Бог! Даже совсем напротив... господин офицер, – он кивнул на Бориса, – господин офицер прав, он меня в точности расколол... я в армии не служил... я с одним поручиком в ЧК сидел, вот от него слов всяких набрался, про Ледовый поход и прочее... и полковника Топоркова тот же поручик поминал, царство ему небесное...

– Кому – Топоркову? – переспросил Борис.

– Поручику! Расстреляли его утречком!

– А вас, значит, отпустили?

– А его отпустили как социально близкого! – вступил в разговор Луиджи. – Это ведь что за татуировочка у господина на руке? Это уголовная татуировочка, я такие видывал! Господин этот, судя по знаку, вор или грабитель, известный в уголовном сообществе.

– Мошенник! – с достоинством поправил циркача Николай. – Меня в Одессе и Екатеринославле каждая собака знает! Дело о фальшивом архиерее слышали?

– Не довелось, слава Богу! – поморщился Серж. – Я вот думаю, господа, что нам с этим фальшивым архиереем делать? Придушить его, что ли, и в погреб заковать?

– Глупые у вас шутки, господин офицер! – вскинулся Николай, опасливо глядя на Сержа.

– Какие шутки? – Серж пожал плечами. – У нас на шутки времени нету, мы люди занятые, серьезные!

– Как это можно! – пуше прежнего заволновался Николай. – Живую душу порешить, грех на себя взять? И в погреб хоронить – это никак не годится! Хоронить положено в освященной земле...

– У нас, может, погреб тоже освященный! – усмехнулся Серж. – Ладно, фальшивый архиерей, улепетывай отсюда, и чтобы я тебя больше слыхом не слыхал и видом не видал! Попадешься мне на глаза – пеняй на себя, пристрелю, не задумаюсь!

Николай стрелой вылетел с веранды и, как заяц, припустил к воротам.

– Зря ты его отпустил! – мертвым голосом проговорила Мари. – Надо было убить мерзавца.

– Из-за такой человеческой ветоши руки марать неохота! – отмахнулся Серж.

Борис уставился на него с подозрением. В прошлый раз только Серж произвел на него не то чтобы приятное, но серьезное впечатление. Несомненно, боевой офицер, много воевавший, тут Борис не мог ошибиться, они узнавали друг друга по особенному взгляду, по жестам и поворотам головы. Тогда еще Борис подумал, что Серж только с виду такой покладистый, много шутит. На самом деле он держит свою команду железной рукой, да иначе и нельзя, раз они уже несколько лет занимаются таким опасным делом.

И тут вдруг Серж проявляет такое легкомыслие, да что там – просто глупость! Ведь этот тип, Николай, виден насквозь! И если Борис сумел его разоблачить, то Сержу это сделать было гораздо легче! Глаз у него наметан... Ну, допустим, так случилось, что Борис лично знал полковника Топоркова, но ведь есть много других черточек, по которым узнается человек невоевавший... Не мог Серж, опытный командир, так безответственно подойти к выбору очередного члена команды, тем более после того как Ванечку убили при странных обстоятельствах...

Борис посмотрел Сержу в глаза, и тот вдруг едва заметно ему подмигнул. Борис даже головой покрутил – возможно, ему показалось, но тут же все понял.

Явление Сержа в сопровождении Николая было еще одной проверкой. Причем проверяли не только его, Бориса, но и всех остальных. Серж еще раз хотел узнать, как будет вести

себя в сложной ситуации каждый член его команды. Борис, несомненно, проверку выдержал. Что касается остальных, то Луиджи тоже не подкачал, а вот Мари... Впрочем, судя по реакции Сержа, Мари тоже вела себя вполне предсказуемо, ничего нового он не увидел.

Неприятная дамочка... За что только Серж ее ценит, за какие качества. Ишь, как зыркает на Бориса глазами, чем он ей не угодил, хотелось бы знать. Губы кривит, как будто кислого наелась. Борис поймал себя на желании скорчить Мари страшную рожу и отвернулся, рассердившись на себя.

– Я, грешным делом, не о том думаю, – заговорил Серж. – Я думаю, где нам толкового человека вместо Ванечки найти. Нужен нам такой человек, чтобы с замками да запорами умел ладить...

– Кажется, я одного такого знаю, – проговорил неожиданно для всех Ордынцев.

– Он знает! – желчно рассмеялась Мари. – Да кто ты такой? Мы тебя-то самого не знаем! Я от тебя жду исключительно неприятностей...

– Угомонитесь, сударыня! – Борис повысил голос: – Я, между прочим, не меньше вас рискованную жизнь. И если для вас такой риск привычен, если вы сделали его своей профессией, то я первый раз иду на такую операцию. И не пойду с вами, если вы не возьмете моего человека. Поскольку только ему доверяю полностью и бесповоротно. Не хотите – не надо, но только я свое решение принял.

Мари глубоко затянулась папиросой и хотела, надо думать, выпустить дым Борису в лицо, но подскочивший Серж схватил ее за плечи и развернул в сторону. От резкого движения Мари закашлялась, потом облокотилась на перила, повиснув на них, как будто внезапно ее оставили силы.

– До встречи, господи! – отрывисто сказал Серж и махнул рукой.

– Пойдем, – Луиджи потянул Бориса за собой, – покажу короткую дорогу...

На ходу Борис оглянулся. Сквозь открытые окна веранды было видно Мари, по-прежнему недвижно стоящую у перил, только теперь спина ее была неестественно прямая, и вся она казалась натянутой как струна. Вот Серж, на что-то решившись, шагнул было к ней, но спина ее была столь чужой и неприступной, что он махнул рукой и застыл на месте.

«Какие, однако, непростые отношения связывают этих двоих!» – подумал Борис.

Впереди раздался призывный свист Луиджи, и Борис заторопился следом.

– Ох и подлый же народ эти бретонцы! – проговорил крепенький, невысокого роста и слегка кривоногий господин, разглядывая лежащий на столе пучок зелени. – Так и норовят подсунуть какую-то дрянь! Глаз да глаз за ними нужен...

– Зря вы так, Поль! – возразила ему полная краснощекая мадам в нарядном переднике. – У мосье Маню всегда свежие овощи! А такой салат латук не купишь больше ни у одного торговца!

– «Салат латук!» – передразнил ее кривоногий господин. – Знала бы ты, Иветка, каковы бывают осенью помидоры под Астраханью! А какие кавуны вызревают! Это же не кавуны – это дирижабеля! Ежели такой кавун на хату упадет – мокрое место останется!

– Кавуны? – переспросила румяная Иветт. – Что есть кавуны?

– Эх, Иветка, Иветка! – вздохнул господин. – Ничего-то ты не понимаешь! Кавуна настоящего в глаза не видела! И что ты меня все Подем дразнишь? Говорил же я тебе – Пантелеем меня зовут...

– Извините, Поль, – Иветт надулась, – но это ваше имя выговорить ни один приличный человек не в состоянии! Даже парикмахер Анри, а он очень начитанный человек...

Неизвестно, чем бы закончился этот содержательный разговор, но в это время в соседнем помещении звякнул дверной колокольчик.

– Клиент, Поль! – оживилась Иветт и подала своему грозному повелителю тщательно отглаженный жилет.

Господин Поль, он же Пантелей Григорьевич Саенко, с недовольной миной натянул жилет на свой заметный живот и пошел в мастерскую.

Клиент стоял к нему спиной, оглядывая расставленные и развешанные вокруг замки. Замки были самые разные – обыкновенные висячие, которые попросту называют амбарными, врезные французские, английские – похитрее и подороже, заковыристые немецкие и самые хитрые, самые дорогие – швейцарские, рассчитанные на требовательных и состоятельных покупателей.

– Чего изволите? – проговорил господин Поль, подходя к клиенту. – Для лавки замочек или, допустим, квартирку закрывать? Если для господской квартиры – тогда предпочтительнее английский замок, с хитрой сувалдой. Правда, стоят они дорого. Ох и подлый же народ эти англичане – за все норовят втридорога содрать...

– А ты, Саенко, нисколько не изменился! – проговорил посетитель по-русски, поворачиваясь к господину Полю и делая шаг ему навстречу, – Такой же славный ворчун!

– Ох ты! – Саенко всплеснул руками и попятился. – Никак Борис Андреич!

– Он самый! – Ордынцев обнял Саенко, оглядел его. – А ты, как я погляжу, настоящий француз! Мастерскую открыл!

– Так что ж? Кормиться-то чем-то надо! – Саенко смущенно развел руками. – Ох ты! Что же я стою! – Он обернулся к двери, ведущей в хозяйские комнаты, и крикнул: – Иветка, живо на стол накрывай! Борис Андреич, господин Ордынцев приехали!

Из двери выглянула краснощекая физиономия Иветт, недовольно фыркнула:

– Что значит – накрывай? У меня ничего не готово! И я ни на каких гостей не рассчитывала!

Однако Саенко так грозно взглянул на нее, что Иветт тут же ретировалась. Правда, прежде она все же успела разглядеть стройного и красивого гостя, и выражение ее лица сделалось намного приветливее.

– Женился? – осведомился Борис, оглядываясь.

– Ну не то чтобы женился. – Саенко потупился. – Приятная женщина, с понятием, однако нет того, чтобы настоящий борщ сварить или, к примеру, галушки состряпать. Я уж не говорю про вареники с вишнями.

Он провел Бориса во внутренние покои, точнее, в небольшую комнатку за мастерской, усадил его в кресло.

– Чтой-то, Борис Андреич, вы с прошлой нашей встречи с лица маленько спали, – сурдоболю начал Саенко, – опять же пиджак на вас болтается как на вешалке.

– Зато ты у нас раздобыл, Пантелей Григорьевич, – рассмеялся Борис, – брюхо вон как у бегемота!

– Да что ж, – не смутился Саенко, – хорошего человека чем больше, тем лучше! Иветка – баба справная, все при ней. И кормит хорошо, только борща не варит...

Тут он сообразил, что насчет борща уже в разговоре упоминал и по вареникам сокрушался.

– Давно ты от Аркадия Петровича ушел? – спросил Борис, стараясь, чтобы в вопросе звучало только простое любопытство.

– Дак ведь как... – Саенко обиженно засопел и отвернулся. – Жизнь-то у нас изменилась. Живет он в пансионе французском на всем готовом. Там за ним убирают и стол накрывают два раза в день. Одежду опять же в прачечную сдает, обувь мальчишка чистит, я-то ему зачем? Тут он и говорит как-то: «Из армии я вышел, денщика мне теперь не положено, так что прощай, друг Саенко, не поминай лихом!» Я: «Да как же, ваше сковородие, без меня-то? Послать куда с поручением, отнести там письмо или записочку, на словах передать...»

– А он что? – заинтересовался Борис.

– А он говорит, что дела все его закончились и будет он теперь писать мемуары!

– Да что ты! – удивился Борис. – Надо же – мемуары!

– И чтобы «сковородием» я его теперь не величал, – бухтел обиженный Саенко, – потому как все это в прошлом осталось, и теперь он никакой не полковник, а частное лицо, и полагается обращаться к нему «мосье Горецкий»! Тьфу!

Борис помнил, что Саенко, как ребенок, обожал всяческие титулы и именовал Горецкого, как полагалось в табели о рангах, «ваше высочорodie», но произносил слова скороговоркой, так что получалось «сковородие». Аркадий Петрович только посмеивался.

Что-то во всем этом было подозрительное. Чтобы полковник Горецкий оказался не у дел... нет, он определенно темнит. Но Борису нет до него сейчас никакой заботы, у него своя задача.

– А вообще-то я к тебе не просто так зашел, на обед, а по делу...

– По делу! – рассердился Саенко. – Какие у нас с вами теперь дела? Вот раньше, помните?

Еще бы Борис не помнил! Как в девятнадцатом в Феодосии брали банду похитителей бриллиантов. Как шли в рейд против батьки Махно, как Саенко учил его правильно ездить на лошади. Как Пантелей спас ему жизнь, подделав мандат ЧК, чтобы выручить из депо, где сидели смертники. Как Саенко спас его честь, когда Борису доверили нечто чрезвычайно важное и дорогое, а он по глупости поддался на уловки хитрой дамочки⁵. И еще много всего с ними было там, в далекой России.

– Слушай, Пантелей Григорьевич, – начал Борис, тщательно подбирая слова и понизив голос, хотя говорили они по-русски, так что он мог не опасаться любопытных ушей мадам Иветты, – а не хотел бы ты прогуляться со мной тут в одно место?

– Куда еще? – Саенко крутанулся на стуле, как раньше, словно не оброс он за последнее время жирком от паштетов и окороков, приготовленных своей дородной мадам.

Борис промолчал, только посмотрел со значением в хитрые глаза Пантелея. Тот сразу все понял, но, не веря себе, по-бабьи всплеснул короткими руками:

– Пресвятая Богородица! Да неужто в Россию?

Борис молча кивнул.

– Уж не в эти ли заделались, поджигатели или шпионы? – насупился Саенко.

– Да нет... Тут, понимаешь, такая история вышла занятная...

И Борис шепотом поведал своему давнему знакомцу о том, как Аркадий Петрович уговорил его принять участие в экспедиции в Россию, чтобы найти там племянницу великого князя, что Борис нужен был тем людям по причине своего короткого знакомства с профессором Ртищевым, а то бы его и не взяли.

– Скрывать не буду, – со вздохом сказал Борис, – люди эти мне подозрительны. Командует у них бывший офицер, это-то сразу видно. Однако что у человека в душе, ведь с налету не узнаешь?..

– Чужая душа – потемки, – задумчиво согласился Саенко.

– Остальные все со странностями. Женщина – злая очень, нервная, еще один – циркач бывший...

– Ну, эти-то все жулики – такой подлый народ! – оживился Саенко. – Знал я одного фокусника в Краснодаре... сапоги мог снять, так что нипочем не заметишь! А уж про часы я и не говорю...

– А еще одного грабители убили вот буквально вчера ночью...

– Тоже, конечно, бывает, – уклончиво пробормотал Саенко, – третьего дня вот у нас в доме напротив в одну квартиру влезли ночью, а там мадам Ларю. Приличная женщина и не

---

⁵ См. романы Н. Александровой «Батумский связной», «Волчья сотня»

бедная – деньги в рост давала, побрякушки золотые в залог брала. Но тихо все, скромно, без лишнего шума. Серьезная мадам, ни с кем в разговоры не вступала и кофий пить никого к себе не звала. Ну, влезли они ночью – окно открыто оказалось, служанка Линетт в кино ушла и забыла, видно, про окно-то. А мадам услышала шум и проснулась. Вышла проверить – они ее лампой бронзовой насмерть... Взломали захоронку, да и ушли. Линетт возвращается – нате вам! Шум, визг, полиция... Мадам выносят, Линетт в обмороке лежит...

А только я наутро своей хозяйке сразу сказал, что не обошлось тут без этой егозы Линеттки. Потому как полюбовник у ней завелся – ну, красавец мужчина! Из себя видный, одни усы чего стоят. Уж на что ты, Борис Андреич, для женского полу очень личность притягательная, так тот и тебя за пояс заткнет.

– Ладно, ты на меня-то не переходи... – рассмеялся Борис. – Что там дальше было?

– Оно и верно, – пригорюнился Саенко, – нынче господин Ордынцев не в лучшем виде находится. Подкормить бы тебя, – он снова заговорил по-свойски, – да приодеть получше, ботинок вон каши просит...

Борис грозно сдвинул брови, и Саенко заговорил скороговоркой:

– А сама-то Линеттка девка незавидная. Откровенно говоря, смотреть не на что. Мордочка с кулачок, ноги кривые... Ну, полиция в этом деле быстро разобралась. Сбрызнули Линеттку водой, чтобы в себя пришла, подхватили под белы ручки – да в участок. Там пугнули как следует, она и разлимонилась. Сговорено у нее было со своим Жоржиком все заранее, чтобы она в кино ушла, а сама окно закрыть вроде забыла. Только он ей обещал, что все дело тихо обстряпает, хозяйку не тронет. А тут вишь какой случай... Короче, взяли этого Жоржика на следующий день где-то под Парижем. Вот такая история... Я к чему разговор-то веду, – заторопился Саенко, – мадам хоть и крепкая женщина была, а все же в годах, опять же спроне... А тут мужик...

– Здоровый, – поддакнул Борис, – руки как лопаты... Оружие всегда при себе... Думаешь, я сам не понимаю, что дело нечисто? Оттого к тебе и обратился, только тебе в этом городе доверяю. И профессия у тебя теперь подходящая, в замках разбираешься, любую дверь открыть сможешь, ежели что...

– Уж это завсегда... – солидно согласился Саенко, – нам без этого нельзя...

– Ну так что скажешь, Пантелей Григорьевич? – Борис испытующе поглядел в хитроватые глаза Саенко. – Какое у тебя мнение?

Саенко прислушался к звукам из соседней комнаты, потянул носом. На миг на лицо его набежало грустное облачко, но он тут же потряс головой и оживился:

– Едем, Борис Андреич! Засиделись мы с вами, заплесневели в Париже этом! Решили – так едем! Все, что надо, исполним и на Россию-матушку поглядим еще разочек! Эх, Борис Андреич, как же я по степи-то соскучился. Выйдешь, взором окинешь – ни конца ей нет, ни краю! А в селе-то у нас небось сейчас яблони цветут... Цветом белым, как пеной, все сады обсыпаны... Пчелы гудят, мед собирают... Эх, была жизнь!

– Ты не очень-то... – предостерег Борис, – не на прогулку едем, может, неласково нас встретят.

– Уж это как водится, – заметил Саенко, – провожали – не плакали и встречать будут – не обрадуются...

Серж выдал всем пятерым участникам экспедиции небольшой аванс – по двести франков на брата. Сжимая в кулаке деньги, Борис почувствовал себя богачом. Прежде всего он зашел в парикмахерскую на углу и отдал себя в умелые руки мосье Анри.

Парикмахер оглядел его с тихим ужасом и принялся стричь и брить, качая головой и приговаривая:

– Как можно так себя запускать? Красивый молодой господин, такой богатый волос, такая хорошая кожа – а выглядит как последний клошар!

Потом, порхая ласковыми руками и взбивая мыльную пену, он, по обыкновению всех парижских парикмахеров, перешел на внешнюю и внутреннюю политику, на биржевые котировки и повышение цен.

Под конец он сбрызнул Бориса кельнской водой и оглядел гордым взглядом художника:

– Ну вот, теперь совсем другое дело! Мосье, вы помолодели на двадцать лет! Да что там – на целую жизнь!

Борис и сам почувствовал себя обновленным и помолодевшим.

Выйдя из парикмахерской, он купил полдюжины новых рубашек и наконец заплатил квартирной хозяйке, неподражаемой мадам Жирден, весь свой долг да еще за месяц вперед. Мадам прослезилась.

Выполнив все эти неотложные дела, он отправился на встречу со своим новым командиром.

Серж поджидал его в знакомом кафе.

Увидев Бориса, он аж крякнул.

– Что же вы с собой сотворили, господин хороший?

– А что такое? – удивленно переспросил Ордынцев.

– Вы, милостивый государь, в России давно не были?

– Два года, – ответил Борис, помрачнев.

– Два года... – повторил Серж, опустив глаза. – Целую жизнь! За эти два года жизнь там удивительно переменилась. И люди переменились. Вы вот скажите, где бреетесь?

– Сегодня – у мосье Анри, а обычно – сам...

– Начнем с того... – профессорским тоном проговорил Серж, – начнем с того, что вы, по современным российским меркам, слишком чисто выбриты.

– Так что же – вовсе не бриться?

– Отчего же? Бриться надо, только плохо и неаккуратно, желательно тупой и ржавой бритвой. Чтобы кое-где недобритые места остались, а желательно еще следы от порезов... Дать вам тупую бритву?

– Найду! – буркнул Борис, вспомнив недавние дни своей нищеты. Правда, по интеллигентской привычке он и тупой бритвой старался выбриться чисто.

– Далее – запах! – продолжил Серж.

– Pardon? – удивленно переспросил Борис. – Я не ослышался?

– Ничуть! Вы что, думаете, в Совдепии женщины душатся духами «Виолет» от Коти, а мужчины – кельнской водой?

– Я об этом не подумал! – пробормотал Ордынцев, покраснев.

– А стоило бы! Вас с таким запахом первый же патруль остановит!

– А что же мне теперь делать?

– Мыться пореже, и исключительно дегтярным мылом. Кстати, очень полезно и от вшей помогает. Прическу, извините, желательно испортить. Растрепать, а для натуральности еще лампадным маслом пройти. Вместо одеколона. В Совдепии парикмахерские, конечно, имеются, но тамошние мосье Анри, как и все прочие, работают из рук вон плохо, поскольку думают не о том, как будет выглядеть клиент, а о том, где достать дров и керосина, как прикрепиться к хорошему распределителю и отовариться жирами и мануфактурой. И как избежать уплотнения жилищ...

– Из какого языка все эти слова? – ужаснулся Борис.

– Из русского, милостивый государь! – Серж криво усмехнулся. – Из того языка, на котором писали Пушкин и Гоголь, Толстой и Тургенев! Я вот думаю, кем вы у нас будете?

– Простите?

– Современные совдеповские обитатели делятся на несколько категорий. Рабочекрестьяне – на этих вы при всем желании не тянете, рылом, как говорится, не вышли... далее – партактив... ну, это тоже сложно, необходимо владеть особым коммунистическим языком и пламенный взор выработать, это вы не успеете... еще, конечно, есть лишенцы...

– Кто?! – испуганно переспросил Борис.

– Представители бывших эксплуататорских классов, лишенные всех прав состояния. За лишенца вы, конечно, сойдете, но это опасно и неудобно. Могут и шлепнуть ненароком. Так что остается последняя категория – совслужащие. Будете вы у нас мелким совслужащим, находящимся в служебной командировке.

Серж порылся в своем пухлом потертом портфеле и протянул Борису сложенную вчетверо, вытертую на сгибах бумагу.

– Центрнабстатупр... – прочитал Борис оттиснутые в верхней части листа буквы. – Господи, что это за ахинея? Имя какого-нибудь финикийского божества?

– Не совсем! – усмехнулся командир. – Это всего лишь центральное управление снабжения и статистики. Впрочем, все эти совдеповские организации имеют нечто общее с финикийскими богами. По крайней мере они так же требуют человеческих жертв.

– «Центрнабстатупр удостоверяет, что податель сего Прохиндеев Пров Васильевич командирован в город Энск по служебной надобности, для чего ему надлежит оказывать всяческое содействие...» И что – такая бумага сойдет в России за документ?

– Еще как сойдет! – заверил Серж. – Отличная, между прочим, бумага! На подлинном бланке! Вы не представляете, чего нам стоило раздобыть такие бланки! Можете считать, что с этой бумагой для вас все двери открыты. Только и вам нужно соответствовать.

Серж снова придирчиво оглядел Ордынцева.

– Перечисленные мной категории совдеповских граждан, прямо-таки как касты в Индии, отличаются своими привычками и одеждой. С рабочекрестьянами все ясно – одеваются во что придется. Старая, поношенная шинель, обмотки, в случае большой жизненной удачи – сапоги... ну, это уж кому как повезет. Представители партактива – тамошнее дворянство. Эти носят полувоенную форму, некоторые, в духе революционного романтизма и для устрашения окружающих, – чекистские кожаные куртки. Особенно щеголеватые – из хрома, кто поскромнее – из опойковой кожи. Ну, лишенцы, понятно, донашивают старорежимную одежду – пальтецо суконное, лоснящееся на локтях и карманах, шляпа. Шубы не носят – в восемнадцатом у всех отобрали. Публика в трамвае увидит человека в шляпе и сразу знает, что это недорезанный буржуй и классовый враг. А скромные совслужащие, к каковым вы теперь относитесь, – тоже френч, только попроще, или пальто с отдаленным намеком на военный покрой. В общем, подберем вам что-нибудь... Про внешний вид мы уже поговорили, но важен еще и лексикон... вот, скажем, как вы обратитесь к случайному прохожему?

– Сударь... – произнес Ордынцев, неуверенно пожав плечами. – Или лучше «милостивый государь»...

– Ну, считайте, что ночевка в ГПУ вам обеспечена!

– Ах да! – спохватился Борис. – Они же сейчас все «товарищи»!

– И тоже пальцем в небо! «Товарищем» далеко не каждый может щеголять, и не к каждому можно таким манером обратиться! Это только представители партактива, которые с пламенным взором, – они, несомненно, товарищи, а всем прочим приходится довольствоваться званием «гражданин». Знаете, стихи такие есть:

Что сегодня, гражданин, на обед?
Прикреплялись, гражданин, или нет?
Я сегодня, гражданин, плохо спал,
Душу я на керосин променял...

Серж закрыл свой портфель и подвел итог разговора:

– Пробирайтесь в Россию будем двумя группами, так безопаснее. В одной группе – мы с Луиджи, в другой – вы с Мари и Пантелеем. Мари будет прикрепленной к вам стенографисткой, Пантелей – порученцем... мы с вами встретимся уже на месте...

– Одну минуточку! – остановил его Ордынцев. – Как же я пойду с Мари? Вы разве не замечали, с какой ненавистью эта мадам на меня взирает? При таком отношении недалеко до беды!

– Не беспокойтесь. Мари, конечно, дама на редкость нервная. Да ей через такое пройти пришлось – врагу не пожелаешь. Только вы не обольщайтесь на свой счет, она не только к вам, она к большинству мужчин, мягко говоря, плохо относится. Только для нас с Луиджи исключение делает. Ну, и для Ванечки покойного... Но в одном можете быть уверены: как только границу перейдем – во всем на нее можно будет положиться. Никаких дамских истерик не опасайтесь. Она женщина твердая, надежная и храбрая до безумия. И чувствует себя там, в Совдепии, как рыба в воде. Почему и посылаю ее с вами: в случае чего, прикроет и из любой передраги вытащит...

Борис выслушал командира с сомнением, но спорить не стал.

Глава 3

*Эх, яблочко!
Куда котишься,
В Губчека попадешь —
Не воротись...*

Из песни

– Тут са мной прямо ходи, каспадин, – проговорил пожилой чухонец, повернувшись к Борису и опираясь на длинную слегу. – Тут в правая, левая сторона ступишь – и конес, с колофой в болото...

– С головой? – опасливо переспросил Борис, который и так шел за чухонцем след в след.

– Известное дело! – подал голос Саенко, не отстававший от Ордынцева. – Болото, оно и есть болото! Вот, помню, еще до мировой войны был у нас в селе кузнец, Василием звали...

– Вы бы помолчали, господин пролетарий! – оборвала его Мари, замыкающая группу. – Накличете чекистов...

– Как знаете, – обиженно пробормотал Саенко и тут же зашептал, чтобы его слышал только Борис: – Непременно этот чухонец в самую топь нас заведет! Как Сусанин поляков! Ох и подлый же народ эти чухонцы!

– Где ж это ты с чухонцами-то успел познакомиться? – усмехнувшись, спросил Борис. – Ты ведь вроде все больше по южным губерниям странствовал...

– Это вы точно заметить изволите – странствовать мне много пришлось, и кого я только не повидал! И с чухонцами тоже случалось, так что скажу вам...

– Тсс! – зашипел проводник, повернувшись в сторону.

Все замерли, прислушиваясь.

Действительно, слева от тропы раздались негромкие чавкающие шаги. Борис вытянул из голенища нож. Мари пригнулась, вглядываясь в кусты, подняла пистолет. Тут из-за чахлах кустов показалась лосиха, худая и голенастая, как девочка-подросток, удивленно уставилась на людей лиловыми испуганными глазами и, повернувшись, припустила прочь.

– Ишь, кто кого больше испугался! – проговорил Саенко, провожая лосиху взглядом.

Они на рассвете вышли из пограничного эстонского села, в тумане на околице их уже поджидал немногословный проводник – чухонец.

До этого пришлось ночевать в старом доме на окраине села. Дом зарос такими густыми кустами, что будь Борис на месте властей, он обязательно бы проверил, что в этом доме происходит. Однако никто их не побеспокоил, и после завтрака, состоявшего из куска домашнего хлеба и кружки парного молока, хозяйка принесла одежду.

Борису достались малоношеное коричневое полупальто и фуражка, в каких ходят железнодорожники. Из обуви нашлись только сапоги, чему сейчас Борис был несказанно рад. Саенко обрядился в ладный полушубок из овчины и чувствовал себя в нем, как всегда, уверенно – пар костей не ломит. Мари была одета в длинный жакет, весьма прилично перешитый из военного френча, длинную юбку и белую блузку с высоким воротником. В свое время Серж объяснил Борису, что именно так ходят советские пишбарышни. На ногах у Мари были высокие шнурованные ботинки. Черные гладкие волосы она зачесала со лба и заколола простой старушечьей гребенкой, так что из элегантной парижской прически получилось черт знает что.

Пригибаясь, пересекли поляну, залитую, как молоком, клубами густого тумана, углубились в сырой полусонный лес и с тех пор брели за неутомимым молчаливым проводником. После полудня проводник остановился, выбрал каждому по длинной слеге и предупредил, что

дальше начнется глубокое болото, так что нужно идти за ним, никуда не сворачивая. Борис уже здорово выдохся, а чухонец все шел и шел впереди, не сбавляя темпа.

– Этта хорошая дорога... – проговорил проводник, выбравшись на высокую кочку. – Красный здесь не ходить, думать – болото, нет дорога... а здесь есть дорога, только не все ее знать...

– Далеко еще идти по этой хорошей дороге? – проговорил Борис, переведя дыхание.

– Не-ет, не далеко-о! – протянул чухонец и снова зашагал вперед как заведенный.

– Точно он в трясины нас заведет, леший! – зашептал Саенко, догнав Бориса и поравнявшись с ним. – Ох, чует мое сердце, заведет!

– Что-то ты, Пантелей Григорьевич, нервный стал! – усмехнулся Борис. – Раньше тебя, насколько я помню, предчувствия не посещали! Не иначе как от паштетов мадам Иветт воображение разыгралось!

– Не знаю ни про какое обряжение, – недовольно пробурчал Саенко. – А только сердцем чую – будет что-то недоброе...

Ордынцев не успел ему ответить, потому что они вышли на опушку леса. Впереди лежало просторное поле, за ним виднелись сараи и приземистые домишки городской окраины.

– Все, каспада, дальше я не ходить! – вполголоса проговорил чухонец. – Этта есть город Энск. Пажалуйте деньги!

Мари передала проводнику сверток, и он исчез в зарослях.

– Ишь, как ходит, шельма! – проговорил вслед проводнику Саенко. – Веточка не треснет! Ох и подлый же народ...

– Повторяешься, Саенко! – оборвал его Борис. – Пошли дальше, тут задерживаться не след!

Путники торопливо пересекли поле, поравнялись с первыми городскими строениями. Из-за дощатого сарая доносился стук топора.

– Пробираемся к станции! – скомандовала Мари. – Там, среди людей, легче затеряться, здесь мы слишком на виду!

– Оно верно, – одобрил Саенко. – Среди людей завсегда сподручнее. Только где людей больше, там и патрули шляются.

– Не рассуждать! – резко оборвала его Мари. – В отсутствие Сержа я здесь командую!

Все трое цепочкой пробрались между сараями, миновали пустые, не вскопанные еще огороды и вскоре оказались возле пакгаузов, протянувшихся вдоль железнодорожных путей. Здесь действительно былолюдно – брели запуганные крестьяне с тощими мешками, бежал растрепанный пассажир с чайником, опоздавший на свой поезд, крутились какие-то подозрительные личности.

– Подождите меня здесь! – распорядилась Мари. – Я узнаю насчет поезда на Петроград. Она скрылась в здании вокзала.

Ордынцев огляделся.

За время его отсутствия Россия чрезвычайно сильно изменилась. Впрочем, он помнил ее не только дореволюционной – нарядной, хлебосольной, праздничной, в колокольном звоне и радостном сиянии пасхальных свечей.

Помнил он и страшный восемнадцатый год, голод и холод, стрельбу на улицах Петрограда, пьяных матросов, колотящих прикладами в двери профессорских квартир. Помнил кровавую разруху Гражданской войны, махновские тачанки и звериные лица дезертиров...

Но даже тогда в этих злых разбойничьих лицах было что-то человеческое – было в них опьянение свободой, вседозволенностью, жуткое опьянение русского бунта – хоть день, да наш! Кто был ничем, тот станет всем!

Сейчас все было не такое.

На всех лицах, которые видел Борис, читались неуверенность и боязнь, как будто люди сомневались, дозволяется ли им жить на этом свете, можно ли дышать сырым тифозным воздухом и ходить по волглой глинистой земле, более подходящей для рытья могил, чем для пахоты. Неуверенность читалась на лицах крестьян, мечтающих попасть на поезд и продать или обменять хлеб на соль или мануфактуру. Неуверенность – на лицах горожан, которым нужно куда-то ехать по своим незначительным делам. Но такая же неуверенность была и на лице красноармейца, который курил самокрутку возле двери вокзала, и на лице вертлявого типчика, явно норовящего что-нибудь спереть...

– Дядя, дай копеечку! – раздался рядом с Борисом тонкий детский голос.

Рядом с ним крутился чумазый мальчишка-беспризорник. Стрельнув по сторонам цепким вороватым взглядом, он повторил, на этот раз наглым хрипловатым голосом:

– Дядя, дай лимон!

– Какой еще лимон? – удивленно переспросил Ордынцев. – Зачем тебе лимон?

– Известно зачем – на курево! – Мальчишка искоса посмотрел на Бориса, прищутив левый глаз.

– Лимон – на курево?

– Лимон не знаешь? Милльон рублей! – И мальчишка, кривляясь, запел: – «Ах, лимончики, мои червончики! Где вы растете и в каком саду?!»

Борис понял, что допустил непростительную ошибку: забыл, что в России лимонами называют миллионы обесценившихся рублей...

– Барин, дай лимон! – повторил беспризорник, понизив голос и глядя на Бориса с угрозой.

– Какой я тебе барин? – отозвался Борис, тоже невольно понизив голос.

– Известно какой! – процедил мальчишка, оттопырив губу. – Барин – белая кость, голубая задница! Ух, сколько мы таких в девятнадцатом порезали! Уж попили вы нашей кровушки, теперь нам очередь пришла! Дай лимон, а то заору!

– Что ты врешь? – зашипел Борис, пригнувшись и попытавшись схватить мальчишку за ухо. – Никакой я не барин, а командированный служащий!

– Это ты в чеке расскажешь, какой ты командированный! – выкрикнул мальчишка, ловко уворачиваясь. – А только я вижу, что ты есть барин и шпиён! Вон у тебя какие руки чистые, разве ж у пролетария такие бывают? Последний раз тебе говорю – дай лимон, а то патруля крикну!

– Патруля, говоришь? – спросил появившийся рядом Саенко, ухватив беспризорника за вихор и рванув на себя. – Я шас сам тебя, паразита, патрулям сдам! По тебе, гаденышу, детприемник давно плачет! Небось только что из колонии сбежал? Шас тебя быстро обратно оприходуем! Будешь знать, как к ответственному товарищу цепляться!

– Ой, дяденька, отпусти! – заверещал мальчишка прежним тоненьким, жалобным голоском. – Я больше не буду! Тамбовские мы, у нас там голодуха, папка на Гражданской голову сложил, мамка с голоду померла, вот и ищу, где бы хлеба перехватить!

В ту же секунду беспризорник рванулся, оставив в руке Саенко клочок волос, поднырнул и скрылся в вокзальной толпе.

– Остороженько надо, Борис Андреич! – опасливо пробормотал Саенко, переглянувшись с Борисом. – Ох и подлый же народ эти беспризорники! Просто житья от них нет! Как бы шкет этот неприятностей не накликать...

Саенко словно в воду глядел.

Не успел улепетнуть беспризорник, как на плечо Бориса легла тяжелая рука.

– Попрошу документы! – раздался за спиной у него суровый окрик.

Борис обернулся и увидел на перроне невысокого тщедушного мужичка с бесцветными пронзительными глазами, облаченного в потертую кожаную куртку. Позади него маячили два красноармейца с винтовками.

– В чем дело, товарищ? – отозвался Борис, стараясь сохранять хладнокровие.

– Это мы посмотрим, кто здесь товарищ, а кто чуждый элемент! – процедил человек в кожанке, цепко оглядывая Ордынцева. – Сказано – предъяви документы!

– Да это пожалуйста, это в любой момент. – Борис, стараясь не суетиться и держать себя в руках, достал командировочное удостоверение. – Вот, гражданин, можете ознакомиться...

– Это уж как водится... – Чекист развернул бумагу и медленно, с явным затруднением прочел: – «Центрснабстатупр...» Эка завернули! Сразу видать, серьезное учреждение!

В голосе его зазвучало невольное уважение, и он, покосившись на Ордынцева с другим выражением лица, продолжил вслух читать документ:

– «...удостоверяет, что податель сего... Пров Васильевич... по служебной надобности... оказывать содействие...» Извиняюсь, товарищ! – Чекист вернул Ордынцеву бумагу. – Со всем моим уважением, и ежели какое содействие – только скажите! А мы тут идем, слышим – шум, беспризорник верещит, ну и подумали – мало ли какая контра затесалась... а тут вижу – все в порядке... вижу – ответственный работник со всеми полными правами...

Борис облегченно перевел дыхание и проговорил солидным, начальственным голосом:

– Ничего, товарищ, все правильно! Ты свой революционный долг правильно понимаешь! Бдительность, товарищ, – это первое дело, без этого никуда... вокруг столько контры, что страшное дело... если бы я, товарищ, тебя, к примеру, увидел, находясь при исполнении, тоже бы документ потребовал, потому как бдительность первое дело...

– Верно, товарищ! – оживился чекист. – Контры вокруг – это просто смерть сколько! Из всех щелей прут, ровно тараканы! Житья от этой контры никакого...

– Ты с кем это, товарищ Евдокимов, агитацию разводишь? – раздался вдруг новый голос, и из толпы пассажиров и примкнувшей к ним мелкой вокзальной шушеры выдвинулся человек в аккуратном френче. Человек этот был сутул и бледен, с нездоровым изможденным лицом и лихорадочно горящими глазами.

– Так вот, товарищ из центра... – рапортовал чекист, показав на Ордынцева. – По служебной надобности... приказано оказывать полное содействие...

Сердце Бориса остановилось на мгновение, после чего стремительно ухнуло вниз. Такого страха он не испытывал даже в восемнадцатом году, когда пьяный матрос в упор наставил на него заряженный «маузер». Он не испугался махновцев, грабящих поезд, едущий по степям Украины, потому что находился в полубреду от высокой температуры. Он не боялся, когда остался один на конно-горной артиллерийской батарее и конница красных неслась на него, сметая все на своем пути. Тогда просто некогда было бояться. Он не боялся, когда их с Алымовым в числе других захваченных в плен офицеров красные собрались топить в Новороссийской бухте. Тогда все чувства заменила глубокая всепоглощающая ненависть. Ненависть помогла ему выжить. Ненависть и его потрясающее везение.

Теперь, похоже, везение покинуло его, потому что Борис узнал человека во френче. Узнал умом, но душа его бурно протестовала, она никак не хотела примириться с неизбежным. По всему выходило, что экспедиция Бориса закончилась. Закончилась прямо здесь, в небольшом провинциальном городке, на этом грязном вонючем вокзале.

– Тебе, Евдокимов, изменило твое революционное чутье! – холодно и резко проговорил человек во френче. – Придется поставить вопрос ребром!

Борис в глубине души был согласен с такой постановкой вопроса. Потому что перед ним стоял сильно похудевший и постаревший Сергей Черкиз – его личный враг, человек, с которым

они обоюдно и сильно ненавидели друг друга несколько лет, с тех пор как судьба столкнула их в девятнадцатом году в таком же провинциальном городе на юге России⁶.

Черкиз был убежденный большевик, хотя благородного происхождения, из дворян. Борис считал, что такие люди опаснее и хуже всего. Революция и Гражданская война выявили во многих людях множество неожиданных и неприятных, можно даже сказать, отвратительных черт характера. Мало кто мог в то смутное и страшное время жить честно и по совести. За время своих скитаний Борис видел многое, и в эмиграции рассказывали разное.

Молодой человек из очень известной аристократической семьи стал агентом ЧК, выдавал своих бывших друзей и даже родственников. Причем совершенно мирных, ни в чем не повинных людей, которые вовсе не мечтали бороться с большевиками, а просто пытались выжить, скрывая свое происхождение. Отвратительно, конечно, но все понятно: так испугался на первом допросе за свою жизнь, что усиленно пытался заработать помилование.

Молодая девушка, едва успев снять передник гимназистки, влюбилась в большевика, бросила дом, родителей и ушла с ним. Тоже понятно, случаи в истории известны: в древнем Карфагене принцесса Саламбо полюбила дикого варвара, что и в те времена было делом неслыханным. Правда, комиссарша после смерти своего любовника стала сумасшедшей наркоманкой-садисткой, лично мучила пленных на допросах, особенно доставалось от нее почему-то женщинам.

Справные работающие крестьяне, честные и непьющие, заманивали путников, ехавших менять вещи на еду, убивали их, чтобы отобрать драгоценности и одежду. И тоже причины душегубства вполне понятны: жажда наживы. Ну, за эти преступления каждый будет держать ответ на том свете лично.

Но вот чего Борис совершенно не мог понять, так это позиции таких людей, как Черкиз. Он пришел в революцию сам, по доброй воле и свято следовал своим принципам. Он искренне считал, что революция имеет право взять у человека все – семью, дом, работу, даже жизнь. Мало того, тот, кто принял революцию всерьез, должен сам с радостью отдать все это. Или отобрать у других. Разумеется, во имя всемирной революции и торжества диктатуры пролетариата.

Они с Черкизом встретились совершенно случайно. Встретились как враги, находясь по разную сторону баррикад. Но было у них тогда одно общее чувство: они оба любили Варвару. Борис долго искал сестру и нашел ее наконец во время своего допроса в ЧК. Варя почти год жила с Черкизом, думая, что потеряла Бориса навсегда.

Бедная девочка, как она пыталась его спасти! Как умоляла своего мужа, этого кристального большевика, отпустить ее единственного брата! Отпустить случайно схваченного, просто подозрительного человека... Ради нее, ради всего хорошего, что между ними было. Борис знает, что сестра до сих пор не может вспомнить о том случае без содрогания. Потому что принципиальный Черкиз не только не отпустил Бориса, но и не дал ему отсидеть положенные пять дней в депо смертников. Сам подписал приказ о расстреле...

И ведь любил же Варвару, сволочь! И как бы он собирался жить с ней дальше? Да никак, потому что за год достаточно ее изучил. Да и какая нормальная женщина осталась бы с человеком, который собственноручно отдал приказ о расстреле ее единственного брата!

Вот кого Борис ненавидел! Такие, как Черкиз, прикрывали творимые ими ужасы и убийства идеологией. Дескать, революция требует... Что такое революция? Только слово, призрак, фантом... Самое отвратительное, что Черкиз был искренен. И принципиален до конца.

---

⁶ См. роман Н. Александровой «Волчья сотня»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.